

Авантюрная мелодрама

Литон
ЛЕОНТЬЕВ

ВОСЬМОЙ СМЕРТНЫЙ ГРЕХ

Антон Леонтьев

Восьмой смертный грех

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=431652

Восьмой смертный грех: Эксмо; М.; 2005
ISBN 5-699-08429-0

Аннотация

Кирилл Терц, спившаяся кинозвезда, решил покинуть этот бранный мир. Он уже пришел в заброшенный порт с твердым намерением утопиться, но его планам помешали какие-то таинственные личности, увозившие на яхте... маленькую девочку. Кирилл стал свидетелем похищения ребенка! Это его до крайности заинтриговало... А когда он узнал, что украдена дочка его коллеги Денизы Ровиго, одинокий актер забыл о своих недавних планах и решил помочь ей. Поиски привели его в Рим, на международную конференцию, которую устраивал крупный косметический концерн... Лена Монастырская, молодая сотрудница российского филиала концерна «Хаммерштейн», была счастлива, что в Рим поедет именно она. Ее радость даже не омрачали странные события, предшествовавшие поездке, – полусумасшедшая жена уволенного за шпионаж сотрудника вручила ей документы, в которых шла речь о весьма неблагоприятных делах владельцев концерна. Кирилл и Лена еще не знали, что им суждено встретиться и объединиться перед лицом

опасности: Магнусу Хаммерштейну очень не понравилось, что кто-то сует нос в его дела...

Содержание

ПРОЛОГ	5
КИРИЛЛ	19
НИКОЛЕТТА	42
ЛЕНА	52
КИРИЛЛ	104
Конец ознакомительного фрагмента.	126

Антон Леонтьев

Восьмой смертный грех

ПРОЛОГ

Время действия: 30 мая

Место действия: Великое княжество Бертранское (Лазурное побережье)

Девочку требовалось похитить, ведь именно с этой целью они прибыли в Бертран.

Они уже давно промышляли подобным. Они – четыре человека, четверо мужчин, облаченных в неприметные темные костюмы. Работа сплотила их, у них было много общего: короткие стрижки, безжалостные глаза и... жажда денег.

Девочку звали Тереза Ровиго.

Тот, кто считался главарем, в который раз посмотрел на большую цветную фотографию. Прелестный ребенок трех лет, гордость матери. Тереза была дочерью известной бертранской актрисы Денизы Ровиго. И сегодня матери предстояло узнать, что значит навсегда расстаться с дочерью.

Они не испытывали никаких чувств. Для них похищение детей было обыкновенной работой, за которую они получали высокий гонорар. Никто, даже главарь, не знал, что происходит с детьми после того, как их переправляли на яхту. Они

не знали, на кого именно работают. Но это их и не занимало. Им хорошо платили, даже очень хорошо. Подобные похищения повторялись с регулярностью раз в несколько месяцев.

И сегодня на очереди была маленькая Тереза. Они всегда действовали по обстоятельствам, и в большинстве случаев обстоятельства были к ним благосклонны. Родители никогда не подозревали, что их ребенок станет объектом похищения. Фактор неожиданности развязывал руки.

Темно-синий пикап с вывеской «Пицца дядюшки Джузеппе» остановился в самом центре столицы крошечного княжества. Стояла последняя неделя мая. Они не зря выбрали сегодняшней день для похищения. Дениза Ровиго была единственной кинозвездой, родившейся в княжестве. Она обитала попеременно то в Бертроне, то в Париже, а в последнее время – в Беверли-Хиллз, в Калифорнии. Там полиция реагирует быстрее. А в Бертроне...

Это тихое местечко, полное неги, денег и роскоши. Все знали, что на улицах княжества установлены миниатюрные камеры, которые держат под неусыпным контролем девяносто процентов площади этого кукольного государства. Девяносто процентов, но не сто!

Это нововведение чрезвычайно облегчало работу правоохранительных органов. Полиция могла видеть, как происходит преступление: кража автомобиля, проникновение в дом или нападение на именитого гостя, выходящего из казино, – и мгновенно задержать преступника. Но преступности

как таковой в Бертроне почти не было. Немного наркоторговцев, чуть больше мошенников, еще больше богатых бездельников и денди.

Несколько лет назад в прибрежных водах княжества нашли тело американской кузины Великой княгини Клементины. Дело так и заглохло, хотя упорно говорили, что кузина была убита, кто-то выбросил ее, накачанную алкоголем и снотворным, за борт. Затем и сама Клементина погибла в авиакатастрофе. Еще раньше, во времена «холодной войны», княжество стало ареной грандиозного международного шпионского скандала: молодая и прелестная дочь советского посла была задержана в итальянском аэропорту по обвинению в шпионаже. При ней был найден миниатюрный чип с информацией о суперсовременной торпеде. Девушку приговорили к долгому заключению, она умерла в тюремной больнице во время операции по удалению аппендикса. Правда, ходили слухи, что она бежала, а тюремные власти, не желая нести ответственности за это, распространили версию о ее смерти. Но то было совсем другое время, «холодная война» давно закончилась, сейчас в Бертроне отдыхало много богатых русских и прочих жителей Восточной Европы. В княжестве их если не любили, то с улыбкою терпели, так как эти азиаты оставляли на столах казино гораздо больше денег, чем другие гости, снимали самые дорогие номера в отелях, заказывали умопомрачительные по стоимости блюда в ресторанах и никогда не скупилась в бутиках и салонах. Ра-

зумеется, это были «новые богатые», лишенные благородного происхождения, а также манер и в большинстве случаев знания языков. Их богатство было сомнительного происхождения...

Однако княжество открывало свои двери перед всяким, кто желал истратить на его территории звонкую монету или опустошить свой банковский счет. Ведь еще император Веспасиан заметил, что деньги не пахнут, и это мнение было свято в Бертроне.

В последние дни мая в княжестве, как всегда, проходил международный кинофестиваль «Крылатый лев». Это событие привлекло массу репортеров и журналистов и много туристов. Оно ознаменовало открытие сезона и начало летнего бума.

Перед дворцом кинофестивалей, который был выстроен на капиталы покойной Великой княгини Клементины, расстелили огромный бордовый ковер. И по нему уже в течение часа шествовали «звезды» и «звездочки» международного кинобизнеса. Всего через час кинофестиваль должен закрывать сам глава этого миниатюрного государства, Великий князь Клод-Ноэль Гримбург, ныне безутешный вдовец, а в прошлом ветреный муж прелестной княгини Клементины, уже ставшей легендой.

Дениза Ровиго появилась из огромного белого лимузина с тонированными стеклами. От виллы, в которой она всегда проживала во время своих визитов в Бертран, до дворца

кинофестивалей было рукой подать, всего-то несколько сот метров, однако Дениза никогда бы не прошла эти считанные метры пешком.

Ведь она – сама Дениза Ровиго! Она родилась на окраине Бертрана, если у государства площадью в десяток квадратных километров вообще может быть окраина. Ее родители были скромными работниками ресторана, Дениза – одна из их пятерых детей. Но с тех пор прошло много лет...

Родители по-прежнему живут в Бертроне, Дениза купила им ресторан, в котором они по привычке работают, однако уже не на хозяина, а на самих себя. Ее братья и сестра разъехались по миру, кто-то осел во Франции, кто-то попал в Америку, с родителями остался младший брат Жан-Луи, который со временем и станет новым боссом ресторана.

Дениза блистала на кинонебосклоне уже несколько лет. Она всегда знала, что станет актрисой, хотя в это никто не верил. Она с детства стремилась попасть с задворок княжества, где хватало бедности, грязи и отчаяния, в центр, к дворцам, шикарным магазинам, порту, в котором теснились белоснежные красавицы яхты...

И мечтала о том, что совсем скоро будет принадлежать к числу тех счастливцев, кто обитает в роскошных гостиницах, посещает дорогие рестораны, знает с сильными мира сего и наслаждается беззаботным существованием.

Никто не верил в успех Денизы, родители советовали ей прийти в себя и задуматься о выгодном замужестве. Дениза

же бредила карьерой кинодивы. И у нее все получилось! Для этого пришлось поступиться идеалами и расстаться с иллюзиями. Зато в обмен на это Дениза получила то, к чему стремилась, – славу и деньги.

Она стала звездой в соседней Франции, ее снимали самые знаменитые режиссеры. Дениза купила в Бертроне шикарный особняк стоимостью в несколько миллионов долларов. Ее манил Голливуд, в ближайшие годы она намеревалась завоевать и эту Мекку киноиндустрии, чтобы однажды сбылась ее самая заветная мечта – и ей вручили бы «Оскар» за лучшую женскую роль! Ради этого она готова пойти на все.

Пока же на европейскую звезду в Голливуде мало кто обращал внимание. Ну что ж, Дениза была готова к упорной работе. Пройдет пять лет, и она войдет в число самых известных и высокооплачиваемых кинозвезд! Она уже снялась в дюжине голливудских фильмов, но пока что на третьих и вторых ролях. Осенью стартуют съемки нового фильма, в котором она исполняет главную роль, а ее партнером будет Джонни Депп. И это станет первой ступенькой на пути ее восхождения к славе!

Дениза появилась на бордовом ковре, защелкали камеры, блеск фотовспышек был нестерпимым. Дениза, облаченная в светло-голубое платье, с потрясающими бриллиантами на шее и руках, мило улыбнулась. Она обожала эту суету. Конечно, кинофестиваль в Бертроне – это не Канны и не Венеция, но ведь всегда приходится с чего-то начинать!

Она знала, что ее любят, и ей это нравилось. Дениза всегда использовала любую мелочь для собственной популярности и рекламы. Из лимузина вслед за ней появилась ее дочь Тереза. Камеры, и без того трещавшие, как выстрелы, казалось, вообще сошли с ума. Дениза сама додумалась до того, чтобы взять Терезу с собой и пройтись с ней по бордовой дорожке.

Девочка, очаровательный ребенок, удивительно похожий на мать – такие же русые волосы и бездонные зеленые глаза, – была облачена в платье, до мелочей напоминающее вечерний наряд самой Денизы. Даже вокруг ее шейки вилось крошечное бриллиантовое кольцо.

Дениза взяла дочь за руку, ведь ее надо с молодых ногтей приучать к общению с журналистами. Актриса чувствовала, что девочке это нравится.

Никто толком не знал, кто же является отцом Терезы, и это только подогревало всеобщий интерес. Четыре года назад, когда Дениза была еще малоизвестна даже европейской публике, именно ее беременность сыграла решающую роль в росте ее популярности. Ходили слухи, что отцом ребенка является знаменитый кинорежиссер, потом в причастности к появлению на свет Терезы стали подозревать всемирно известного велогонщика, и, в конце концов, кто-то намекнул, что счастливый папаша не кто иной, как его высочество Великий князь Бертранский Клод-Ноэль Гримбург. Все шептались, что Клод-Ноэль наконец-то решился прервать затянувшийся траур по своей неповторимой супруге Клементине и

намерен жениться на юной кинозвезде. Дениза, в последнее время жившая одна, не захотела появляться на публике в сопровождении мужчины. А вот общество прелестной маленькой дочери...

Вдоволь напозировавшись, Дениза взяла Терезу за руку, и они направились к мраморной лестнице, которая вела внутрь дворца кинофестивалей. Дениза была довольна. В следующий раз она появится с Терезой на церемонии вручения «Оскара» в Лос-Анджелесе, и это произведет фурор, желтые еженедельники и программы светских новостей заметят ее, она привлечет к себе всеобщее внимание. Что же, когда-то Джулия Робертс, Николь Кидман или Кэтрин Зета-Джонс были одними из многих, а теперь они – единственные и неповторимые. И Дениза Ровиго намеревалась сделать такую же карьеру. Черт возьми, ей всего двадцать семь, у нее впереди вся жизнь!

Оказавшись в просторном фойе дворца, Дениза вручила Терезу няньке, молодой женщине, одетой в скромный костюм.

– Женестьева, наконец-то, – вздохнула Дениза. – Девочка устала, так что отправляйтесь с ней обратно на виллу. И мне на мобильный не звоните, я буду в зале!

Тереза и в самом деле начала капризничать. Дениза знала: одно дело – фланировать с дочерью по ковровой дорожке от лимузина к лестнице, и совсем другое – заниматься ее воспитанием в течение двадцати четырех часов. С самого появ-

ления на свет девочки за ней приглядывали няньки, воспитательницы, гувернантки. Дениза же посвящала себя целиком и полностью карьере кинозвезды.

– Да, мадам, – ответила Женестьева и в один момент успокоила хнычущую Терезу. – Девочка устала, она наверняка напугана фотоаппаратами и множеством людей...

– Ничего, ей пора привыкать, в Голливуде будет и не такое, – поджала губы Дениза. Она понимала, что является никудаышней матерью, но что поделать, зато актрисой она была великолепной. Она любила дочку, но не намеревалась ради Терезы жертвовать собственной карьерой.

Перепоручив Терезу заботам гувернантки, Дениза направилась в центральный зал, чтобы присутствовать на церемонии закрытия кинофестиваля. Золотой крылатый лев на червленом поле, фамильный герб великокняжеской династии Гримбургов, украшал каждую колонну и послужил названием для кинофестиваля. Дениза знала, что получит сегодня статуэтку крылатого льва, выполненную из золота на подставке из бирюзы, как лучшая актриса года. Ведь она сыграла главную женскую роль в трогательной драме о матери, которая одна воспитывает глухонемую дочурку, а этот фильм нашел признание не только у кинокритиков, но и стал сенсацией прошлой осени, побив все рекорды по сборам.

Женестьева, дипломированная бонна, подхватила Терезу на руки. Девочка стихла окончательно. Она любила Женестьева, с которой проводила значительно больше времени,

чем с родной матерью. Они покинули дворец кинофестивалей через «черный» вход. Там их ждал лимузин с вышколенным шофером.

– Обратно на виллу, – расположившись в салоне, попросила водителя Женевьева. Затем она принялась рассказывать раскапризничавшейся Терезе сказку. Они оказались около ворот виллы через пятнадцать минут. Площади и улицы княжества были запружены зеваками, журналистами и просто туристами, которые стекались с начала мая в Бертран.

Шофер почтительно высадил Женевьеву и Терезу около ворот старинного особняка. Они не заметили, что от дворца кинофестивалей за ними следовал неприметный пикап с надписью «Пицца дядюшки Джузеппе». Гувернантка отправила водителя восвояси. Она достала ключи, открыла дверь. Немудрено, что девочка капризничает, уже почти девять вечера, ей давно пора быть в кровати! Женевьева весьма скептически отнеслась к затее своей работодательницы Денизы взять с собой на открытие фестиваля малолетнюю дочку. Но кто такая она, простая гувернантка, чтобы указывать Денизе Ровиго? Воспитательницы и гувернантки менялись у той раз в полгода, Женевьева уже привыкла к эскападам мадам-хозяйки и прониклась нежной любовью к ее очаровательной дочери.

Женевьева знала, что в доме никого уже нет. Прислуга была проходящей, Дениза не любила, чтобы вокруг нее шмыгали, как она выражалась, шпионы. После серии статей во

французской бульварной прессе она пыталась выяснить, кто же продал журналистам интимные подробности ее жизни: горничная, водитель, кухарка или гувернантка дочери?

Шум толпы остался далеко позади, дом находился в тенистой аллее, на которой возвышались частные владения богачей. Женестьева уже почти закрыла массивную дверь, когда внезапно почувствовала удар. Все произошло так быстро, что она не успела отреагировать. На пороге виллы возникла фигура, облаченная в темный костюм и с маской на голове. Маска была страшной, изображала какое-то чудовище, в таких обычно появляются на Хэллоуин и на костюмированных вечеринках.

Женестьева не успела вскрикнуть, как нападавший прижал к ее рту и носу пропитанную чем-то сладким тряпку. Гувернантка мгновенно потеряла сознание. На пороге возникла еще одна фигура в черном костюме и в маске страшилища. Тереза, не понимающая, что происходит, заплакала. Одно из чудовищ приблизилось к ней, девочка попятилась.

Похититель крепко схватил малышку, та попыталась вывернуться, а затем укусила его в руку, затянутую перчаткой. Он выругался и прижал к личику Терезы тряпку с хлороформом. Девочка обмякла, провалившись в наркотический сон. Его сообщник быстро связал гувернантку и залепил ей скотчем рот. Когда Женестьева придет в себя, то не сможет оповестить полицию о произошедшем. А Дениза заявится домой далеко за полночь, к тому времени они будут уже далеко от

Бертрана.

Не произнося ни слова, нападавшие удалились. Пикап стоял у самых ворот виллы. Если кто-то и видел его со стороны, то решил бы, что обитатели виллы заказали пиццу. Бесчувственную Терезу принял третий мужчина, двое других заскочили внутрь пикапа. Четвертый – водитель медленно тронул машину с места. Они уже много раз совершали подобные нападения, и сегодня, практически как всегда, все прошло по плану.

Один из похитителей достал мобильный телефон, набрал номер и произнес вполне будничным тоном:

– Мадемуазель прибыла в гости.

Больше ничего не требовалось, собеседник понял, что операция по похищению малышки Терезы Ровиго прошла успешно. Не привлекая внимания, пикап двинулся в сторону порта, миновал стоянку роскошных яхт. Там было полно народу. Проехав еще несколько сотен метров, пикап оказался в зоне товарного порта. Туристов там не было. Старые складские помещения, грязный гравий, мусор. Таким непрезентабельным был Бертран на задворках. Пикап остановился. Двое мужчин, уже избавившихся от страшных масок, завернули спящую девочку в темный плащ. Один из них подхватил ее на плечо. Трое покинули пикап, водитель двинулся с места. Ему предстояло выехать из Бертрана во Францию, а затем уничтожить машину.

Трое похитителей направились узкими проулками к мо-

рю. Над ними раскинулось звездное небо, рядом не было ни души. Еще бы, в район старого порта не заглядывали даже бродяги и наркоманы. Говорили, что здесь обитают призраки. Когда-то, еще в начале двадцатого века, при спуске на воду огромного лайнера (тогда тут располагались доки) произошла катастрофа, погибло множество рабочих. И теперь якобы их неприкаянные души по ночам бродят около моря и жалуются, подвывая, на свою судьбу. Но похитители не боялись привидений, именно из-за безлюдности они выбрали зону старых складов для того, чтобы удалиться из княжества. Их тут никто не увидит, никто не станет свидетелем их злодеяния. Через несколько месяцев склады должны будут снести, и на их месте возникнет современный жилой комплекс для миллионеров. Но пока преступники здесь в полном одиночестве.

Похитители прошли к обветшалому причалу. Там их ждал скоростной катер. Тот, кто нес на плече Терезу, вдруг обернулся. Ему показалось, что раздался скрип. Так и есть, на фонарном столбе раскачивается старый плафон. Вот они и в катере. И все же похититель, который нес Терезу, никак не мог отделаться от ощущения, что за ними кто-то следит... Через несколько секунд они уже удалялись по морю к яхте с потушенными огнями, которая ждала их на выходе из бухты. Мужчина, державший на руках девочку, всматривался в темноту. Ему вдруг показалось, что в сгустившейся тьме кто-то скользнул к причалу. Он, матерый преступник, вдруг

ощутил страх. А что если это на самом деле призрак одного из рабочих, погибших сто лет назад?

Кто бы это ни был, он не сможет остановить их. Тереза Ровиго стала жертвой похищения, и вскоре об этом узнает весь мир. Ее мать, киноактриса Дениза, будет надеяться, что за дочь потребуют выкуп, но тщетно, этого не произойдет. Тот, на кого они работают, никогда не требует выкупа. Дети просто исчезают, а затем... Что происходит с ними потом, не знал никто из похитителей. Им платили не за то, чтобы они задавали вопросы. Нужно подготовиться, через два месяца им предстоит похитить несколько детей из Канады...

И все же в старом порту кто-то был, подумал в который раз похититель, когда они прибыли на яхту. Какая разница, этот кто-то, если что и видел, все равно ничего не понял. Призраки не приносят вреда.

КИРИЛЛ

Время действия: 30 мая

Место действия: Великое княжество Бертранское (Лазурное побережье)

Единственный выход, который я видел для себя из сложившейся ситуации, был очевиден. Самоубийство – и никаких терзаний.

Вот и все, что мне оставалось сделать. Покончить с собой – таков трагический финал моей жизни, имя которой – фарс. Окончательное решение временных проблем.

Что ж, видимо, для этого действительно пришло время. Мысль о том, чтобы разрубить гордиев узел кошмарных обстоятельств таким незатейливым способом, пришла ко мне в тот момент, когда я всматривался в собственное отражение, находясь в пентхаузе самого роскошного отеля княжества Бертранского.

– Ну что, старый дурень, теперь-то ты понимаешь, что жизнь твоя закончилась, – спросил я сам у себя. Отражение предпочло промолчать. Я провел пальцами по своему лицу. Боже, неужели с тех пор, как мне было двадцать, прошло больше сорока лет? Да нет же, почти пятьдесят! В прошлом месяце мне исполнилось шестьдесят восемь.

Я всмотрелся в свое отражение. Старость – это остров, окруженный смертью. Ведь когда-то я был красив, более то-

го, я переспал почти со всеми наиболее желанными женщинами мира. С теми во всяком случае, которые блистали в голливудских фильмах.

Серая, морщинистая кожа, узкие красные глаза, резкие морщины, седина, уступающая место обширной лысине. А фигура? Когда-то идеальная, сейчас она напоминала мешок картошки – вот он, результат постоянных излишеств и пороков!

Но, несмотря на неизбежные проявления старости, женщины по-прежнему ценят во мне непонятный магнетизм и животную сексуальность. Они закрывают глаза на мой возраст, на то, что я давно из героя-любовника перешел в разряд пародийных фигур. Только несколько месяцев назад мое имя было в списке трех наиболее сексуальных и привлекательных мужчин-актеров. Двое других – Брэд Питт и Джордж Клуни – годятся мне по возрасту если и не во внуки, то уж точно в сыновья. И что же такого нашли во мне женщины? Во мне, Кирилле Терце, шестидесяти восьми лет от роду, обладателе трех «Оскаров» за лучшую мужскую роль?

В тот вечер, ужаснувшись своему отражению, я разбил зеркало бутылкой, которую держал в руке. Бутылка – вот моя единственная подружка уже многие годы. Вот и тогда я мешал виски «Джон Уокер» с рисовой водкой и запивал все это пенистым шампанским.

Мои бабка с дедом прибыли в Америку из России вскоре после революции. Точнее, из Грузии. Ведь я – потомок

княжеского рода, моя полная фамилия – Терцишвили, однако Терц лучше звучит для американского уха. Бабка и дед так и не смогли приспособиться к жизни за океаном, от их семейного состояния моему отцу ничего не перепало. Впрочем, дед, кажется, промотал это состояние еще до того, как к власти в России пришли большевики.

Дед и бабушка умерли вскоре после того, как осели в Нью-Йорке. Мой отец по счастливой случайности попал в добрые руки, его приемные родители были фермерами из Кентукки. Им требовались рабочие руки. Отец, грузинский князь, стал работником на кукурузных и пшеничных плантациях. Там он и познакомился с моей матерью, которая происходила из ирландской семьи.

Добрые фермеры, которые дали отцу незатейливую фамилию Джексон, стали жертвами Великой депрессии, разорились, папочке пришлось из деревни снова отправляться в город. Мама, в то время несовершеннолетняя, последовала за ним сначала в Чикаго, а потом на Восточное побережье. На свет я появился в Нью-Йорке, городе, куда когда-то прибыли мои именитые прародители. Отец снова из Джошуа Джексона превратился в Евгения Терцишвили.

Он вовсе не чурался преступать закон, более того, он считал себя бунтарем. Поэтому вполне закономерно, что его в итоге пристрелили полицейские. Но мама до умопомрачения обожала моего отца. Мне же не было до всего этого никакого дела.

Моя юность совпала со Второй мировой войной, молодость пришлась на послевоенные годы. Я работал в автомастерской и встречался со своей первой подружкой, когда меня открыли киношники. Как всегда, мне повезло: я как раз поссорился со своей девушкой, это произошло на улице, и свидетелем нашего бурного расставания стал помощник одного известного режиссера, группа которого снимала в Нью-Йорке эпизоды нового фильма. Они мучились в поисках подходящего актера на роль молодого бездельника. Тот, кто изначально должен был играть эту роль, сломал ногу, ему требовалась срочная замена.

Помощник режиссера почему-то решил, что я, двадцатилетний увалень, – самая подходящая кандидатура на эту роль. Его босс, знаменитый режиссер, был полностью с ним согласен. Я, прельщенный гонораром в двести долларов, согласился сыграть несколько эпизодов. Я всегда крепко стоял ногами на земле и не помышлял о Голливуде. Более того, даже не сказал матери о том, что был на съемочной площадке. Потому-то она и была так ошарашена, когда несколько недель спустя к нам домой заявился тот самый режиссер и предложил мне сыграть в его следующем фильме главную роль.

Я согласился не сразу, так как знал: кинокарьера – это нечто эфемерное, а вот автомастерская – вполне реальный заработок. Матушка моя так и хотела, чтобы я прославил нашу фамилию, и в особенности обожаемого ею мужа, моего

покойного отца.

Дав согласие сниматься, я решил, что уступаю только под натиском матери. Сыграю эту роль, получу гонорар (кстати, целых три тысячи долларов!) и смогу открыть собственную автомастерскую.

Мы снимали по большей части в павильонах, однако на неделю поехали в Марсель. Я впервые попал за границу, в Европу, и был очарован и пленен красотой тех мест. Мне не верилось, что фильм «Под небом Марселя», в котором я играл очаровательного мошенника-ловеласа, станет сенсацией.

Он действительно не стал сенсацией. Он превратился в мегасенсацию. Буквально в одну ночь я стал знаменитым. По мне сходили с ума, тысячи дамочек писали письма, слезно умоляя осчастливить их. Мне не давали прохода на улице, пришлось даже переехать из нашего дома в гостиницу.

Я решил – надо подождать, и вся шумиха уляжется, появятся новые «звезды», я смогу вернуться к нормальной жизни и открыть свое автодело. Наивное заблуждение! Я уже никогда не вернулся к прежней жизни, так как получил «Оскар» за главную мужскую роль. Я не мог в это поверить. Как это мне, двадцатилетнему сопляку без всякого актерского образования, удалось с разбегу получить то, к чему другие стремятся десятилетиями, и зачастую безуспешно?

Именно тогда я и понял, что моя жизнь изменилась бесповоротно. Больше всего «Оскару» была рада моя матушка.

А страшно недоволен происшедшим, более того, взбешен – я сам. Режиссер моего первого и второго фильмов пообещал, что сделает из меня суперзвезду, если я подпишу контракт с киностудией, на которую он работает. Я, не читая, подписал и потом целых двенадцать лет расплачивался за свою опрометчивость тяжким трудом и мизерными гонорарами во славу процветания кинобоссов.

Впрочем, денег у меня было более чем достаточно. Под влиянием моей матушки мы переехали в Беверли-Хиллз, в роскошные апартаменты с лазурным бассейном и семью слугами – все за счет студии.

Я-то думал, что являюсь «звездой», но, чтобы стать «звездой» в действительности, пришлось потрудиться. Тайно от всех, в первую очередь от своего агента и матушки, я женился. На своей подружке. На той самой, ссора с которой привела меня в лоно Голливуда. Каждая из моих жен (а у меня их за всю жизнь было четыре, не считая огромного количества любовниц, точное число коих мне самому неизвестно) приносила мне детей и «Оскара». Исключением стала только моя последняя супруга Дороти...

Я делал карьеру, зарабатывал славу и деньги. Моя первая жена, Вивиан, подарила мне сына и дочь, через четыре года я с ней развелся. В голову мне ударила собственная популярность, мне хотелось сладкой жизни, а Вивиан, тихая и покорная, только мешала этому. Я щедро обеспечил ее и детей, мы без проблем развелись, и на сегодняшний момент Вивиан –

моя лучшая подруга. Я спал с ней в последний раз в 1961, когда президентом был еще Кеннеди, но это не мешает мне до сих пор нежно любить ее.

После нескольких лет разнузданной жизни я встретил Кэтрин, мою вторую жену. О, с Кэтрин у нас была настоящая страсть: мы могли устраивать ужасные ссоры, с летающими по дому ножами и разбитыми окнами, а затем столь же неистово любить друг друга среди этого хаоса. Союз с ней принес мне второго «Оскара» за роль примерного и чопорного отца семейства, а по совместительству маньяка Джона Уиллера в драме «По ту сторону добра». Кэтрин родила мне двух дочерей. Мы бы до сих пор ссорились и мирились с ней, если бы... Если бы она не погибла ненастной ночью после очередной нашей ссоры на автотрассе. Вместе с двумя девочками, которых взяла с собой в машину, убегая от меня к своим родителям.

Я уверен, мы бы помирились с ней день спустя, но в тот ноябрь хлестал дождь, она не справилась с управлением, ее занесло, на беду рядом оказался бензовоз... Как мне сказал полицейский врач, они трое погибли мгновенно, и это единственное, что меня утешает. Я никак не мог поверить, что Кэтрин и наши дочурки мертвы и лежат в дорогих полированных гробах, которые скользят в разверзшиеся утробы могил. Кажется, в день похорон я был безобразно пьян и пытался избить священника, который читал заупокойную молитву. Кажется...

Сам я ничего не помню, как не помню и пятнадцать лет, полных анонимного секса, алкоголя и скандалов, которые последовали за смертью Кэтрин и дочерей.

Именно в таком состоянии полной амнезии я и заключил новый брачный союз. Проснувшись в одном из мотелей Лас-Вегаса, я увидел в постели рядом с собой незнакомую женщину. Согласно валявшейся среди бутылок бумаге она была моей новой женой. Не могу сказать, чьей же идеей – ее или моей – было заключить в одной из многочисленных церквушек города развлечений моментальный брак, однако в любом случае эта особа была полной противоположностью Кэтрин.

Звали ее Присцилла, она оказалась младше меня на восемь лет, по профессии была массажисткой, а по жизненным принципам – пергидрольной блондинкой. Она уверяла меня потом, что именно я чуть ли не насильно затащил ее в церковь, однако если это так и было, то не я же заставил ее перед алтарем сказать «да»? Присцилла оказалась вздорной хамкой, которая всю свою жизнь мечтала о том, чтобы удачно и выгодно выйти замуж. Желательно за миллионера. И я был таковым к тому времени. Несмотря на многочисленные эскапады, карьера моя по-прежнему шла вверх, хотя в основном я играл в коммерческих фильмах, избегая серьезных тем.

Я решил, что Присцилла, быть может, и не так ужасна, какой кажется на первый взгляд. Как же я ошибался! Под ее кукольной внешностью скрывалась жадная, беспринципная и

лишенная морали особа. Но не мне ее винить – в те времена я был ничуть не лучше ее, а наверняка даже хуже. Именно в те годы я переспал с половиной женского состава Голливуда и осчастливил не одну сотню проституток бульвара Сансет.

Присцилла быстро поняла, что может командовать мной. Она с радостью переселилась в роскошный особняк, обставила его по своему ужасному вкусу, ее многочисленные и бедные, как церковные крысы (лучше сказать, как монастырские клопы), родственники не вылезали из моих апартаментов. На публике Присцилла была просто отвратительна, она предпочитала безобразно дорогие платья от французских модельеров, которые ей абсолютно не шли, а также эксклюзивные драгоценности, причем чем больше были бриллианты, рубины или изумруды, тем лучше.

Развестись с ней оказалось гораздо сложнее, чем в пьяном угаре заключить брак. Бывшая массажистка Присцилла была на редкость пронырливой личностью. Она сразу же забеременела, вроде бы от меня, и произвела на свет дочь, затем сына, затем еще одну дочь. И каждый раз заявляла мне, что теперь-то она получит свой очередной миллион. Детей она не любила, они были для нее гарантией того, что я обеспечу ее в случае неминуемого расставания.

Я продолжал пить. И сниматься. Странное дело, но именно брак с Присциллой открыл мне дорогу к третьему «Оскару». Я сыграл священника, который борется со своими сомнениями и неверием и предается пьянству, наряду с этим

пытаясь спасти человека, приговоренного к электрическому стулу и утверждающего, что он на самом деле невинно осужденный. Я так вжился в судьбу отца Патрика О'Райли, что мне не приходилось даже имитировать его запои для экранного образа: в большинстве случаев во время съемок я был в самом деле пьян.

И надо же, киноакадемия в третий раз признала меня лучшим актером года. Церемонию вручения «Оскара» я в основном проспал в кресле, только когда назвали мое имя, Присцилла, разряженная в пух и прах, сверкавшая то ли диадемой, то ли жутким колье, весьма ощутимо толкнула меня под ребро локтем. Я не могу сказать теперь, почему, получая награду, я поблагодарил в первую очередь «свою горячо любимую жену». Видимо, я имел в виду Кэтрин. Но к тому времени Кэтрин не было на свете почти восемнадцать лет.

Когда после вечеринки, посвященной моему третьему «Оскару», я очнулся в ванной с двумя китайками, я понял, что так больше продолжаться не может. Старость незаметно подкралась ко мне, а потом с размаху набросилась, как бешеный волк из темноты.

Поэтому я на время попытался возобладать над своим недугом, весьма успешно, надо сказать. Лечился в разных клиниках, мне даже удалось не пить целых полгода. Однако я снова приложился к бутылке в тот день, когда мой адвокат сообщил, что Присцилла подписала документы о разводе. Так я стал снова холостяком, потеряв при этом полови-

ну своего состояния. Но я был готов заплатить Присцилле и больше, отдать ей все, лишь бы она ушла из моей жизни.

Помимо того, что я был плохим мужем, я являлся отвратительным отцом. Я понял это в тот вечер, когда моя старшая дочь (от Вивиан) стала матерью, а я, соответственно, дедом. Я не виделся с собственными отпрысками годами, навещая их под влиянием внезапного импульса с кучей дорогих и ненужных им подарков. Я был им чужим и остался чужим. Дочь не сообщила мне о том, что вышла замуж, как и о том, что станет матерью. Мне позвонила Вивиан и передала эту ошеломляющую новость.

Но мне, как всегда, было не до того. Я пытался осмыслить тот факт, что впервые проявил свою несостоятельность в постели. Как сказал мне один шибко умный доктор из Вашингтона, нельзя же так круто пить, как я, трахаться со всем, что шевелится, а потом еще хотеть, чтобы все было в полном порядке. За эти слова доктор получил по физиономии, а мне пришлось выплатить огромный штраф и по решению судьи отработать двести часов на общественное благо.

Но это не помогло мне избавиться от импотенции. Я испугался. Еще бы, красота и молодость могут пройти, мужчина может быть чуть лучше обезьяны, как говаривала моя матушка, но мужская сила... Кирилл Терц давно был синонимом голливудского сатира, и я гордился тем, что дамы стояли в очереди, чтобы стать моими любовницами.

Я отправился в очередную клинику, на этот раз с твердым

намерением бросить пить и снова обрести прежнюю кондицию. И мне это удалось. Точнее, Дороти удалось заставить меня добиться этого. Я всегда восхищался тем, что Дороти Каплан может достигнуть любой цели. Целеустремленность – это у нее семейное. Без этого ее родители не стали бы владельцами самых крупных и прибыльных в мире заводов по производству кормов для кошечек, собачек, хомячков и прочих четвероногих (или двуногих) друзей человека. Дороти была одной из самых богатых дам Америки, я никогда не знал, каково ее состояние на самом деле, думаю, что-то около семисот или семисот пятидесяти миллионов.

Я познакомился с Дороти Каплан в клинике. О нет, она никогда не злоупотребляла алкоголем, она даже апельсиновый сок пила точно по расписанию. Однако ее незадачливый кузен, как и я, любил джин-тоник, смешанный с водкой. Он тоже проходил реабилитацию в клинике для алкоголиков, и Дороти регулярно приезжала навещать его.

То, что Кирилл Терц находится в подобном заведении, было секретом Полишинеля. О моей страсти к бутылке и прямой от нее зависимости знали почти все, но газеты предпочитали деликатно об этом молчать. Не из-за чувства такта, разумеется, а благодаря тем деньгам, что им платила киностудия, с которой у меня был в то время контракт.

Именно Дороти наставила меня на путь истинный. Она была немного чокнутой особой, до ужаса увлекалась паранормальными явлениями, ждала скорого конца света, вери-

ла, что инопланетяне живут среди нас, а «летающие тарелки» на самом деле регулярно садятся около ее калифорнийского поместья. Помимо этого она слепо доверяла предсказателям, обожала гороскопы, а в особенности питала страсть ко всякого рода амулетам и талисманам.

Бедняжка не была красивой, даже симпатичной назвать ее можно с трудом. Она побывала два раза замужем, и каждый брак заканчивался для нее полным разочарованием в мужчинах. Детей у Дороти не имелось, поэтому ее многочисленные троюродные племянницы и племянники алчно ждали того момента, когда она переселится к своим зеленым человечкам.

Однако Дороти могла быть очаровательной, несмотря на все свое сумасшествие. Именно с ней я понял, что вовсе не обязательно пить, дабы сдвинуться по фазе. Но все ее увлечения не мешали Дороти железной рукой вести свои консервные заводы и получать ежегодно мультимиллионные доходы. Супруга президента Рейгана, также слепо доверявшая гороскопам, была одной из лучших подруг Дороти, она являлась одной из «них», самых влиятельных, богатых и почитаемых.

Мне стало чуть жаль ее, когда я увидел, как многочисленные родственники тянут из нее деньги, пользуясь ее доверчивостью. Она же, казалось, не замечала этого. Между нами не было любви, однако она меня понимала. Так мне казалось во всяком случае.

Мы заключили брак после того, как меня выпустили из клиники. Я снова не пил, мужская сила вернулась ко мне. Прежняя жизнь, разнузданная и фонтанирующая алкоголем, мне надоела. Хотелось семейного уюта и детей. Дороти была уже не молода, однако мы в любой момент могли бы усыновить ребенка...

На самом деле совместная жизнь с Дороти Каплан оказалась сущим адом. Я ненавидел ее гороскопы и хрустальные шары, она попрекала меня моим прошлым и называла «неудачным актеришкой». Говорила, что без нее я давно бы превратился в проспиртованного тритона. Я вновь потянулся к бутылке и начал пропадать в борделях. Все это не могло длиться долго. Все бы закончилось разводом, однако...

Все могло бы закончиться бракоразводным процессом, грязным, громким и дорогостоящим для обеих сторон, однако Дороти внезапно исчезла. Просто растворилась в воздухе. С того момента прошло уже почти восемь лет. Ходили разнообразные слухи о том, что приключилось с Дороти: то она сбежала с любовником, то ее в самом деле украли столь любимые ею инопланетяне.

В ночь ее исчезновения из нашего калифорнийского поместья местные жители якобы видели недалеко от ранчо непонятные цветные всполохи, гул, а затем взмывающий ввысь аппарат «зеленых человечков». Дороти всегда всем говорила, что если те явятся за ней, чтобы увезти ее с собой на Марс или Альфу Центавра, то она, не думая, согласится.

По существу вопроса я ничего не мог сказать шерифу, который выяснял подробности исчезновения моей супруги, так как большую часть той ночи, как и многие ночи до и после, я провел в бессознательном состоянии из-за алкогольного опьянения. Помнится, я даже цинично шутил, что Дороти, как и ее тещу, подхватил ураган, и она перенеслась в сказочную страну Оз, где наверняка нашла себе то, чего ей так не хватало в нашем жестоком мире.

После исчезновения моей четвертой жены я дал себе зарок, что больше не обзаведусь супругой, и до настоящего момента я держу свое слово. Да и любовниц стало поменьше, а спиртного – только больше. Я все еще появляюсь на экране, в основном в роли соблазнитель-старикашек, а также мошенников и проходимцев.

Кирилл Терц, великий и неподражаемый, мировая легенда, символ времени, а на самом деле спившийся старый хрыч, который сам не знает, что же ему делать, – вот кем я стал. Я знаком со многими сильными мира сего. Помимо Рейганов, закадычных приятелей моей Дороти, я знал и коронованных особ, и миллиардеров, и поп-звезд.

Клементиной Бертранской, когда она была жива, я восхищался. О, что за женщина! Из заштатного, замшелого княжества она сделала мечту любого богатея. Я искренне скорбел по поводу ее гибели, столь нелепой и ужасной.

Когда в начале девяностых Клементина решила организовать в Бертрране собственный кинофестиваль, никто не верил

в успех затеи. И надо же, меньше чем за десять лет ей удалось превратить «Крылатого льва» в забаву для всего мира. Этот кинофестиваль, конечно, не такой влиятельный, как в Каннах, однако он находится по престижу где-то между Венецией и Берлином. В общем, я всегда знал, что здесь можно недурно отдохнуть и позабавиться.

Поэтому, когда в этом году меня сделали почетным гостем фестиваля и к тому же присудили «Крылатого льва» за многолетнюю кинокарьеру, я был польщен. Меня пригласили в Бертран, поселили в лучшем отеле, в лучшем пентхаузе.

И именно там, глядя на себя в зеркало, я понял, что единственный выход из всей запутанной ситуации – это самоубийство. Почему? А почему бы, собственно, и нет? Чего еще я могу добиться от жизни? Мне и так осталось всего несколько лет, вряд ли с таким здоровьем, расшатанным постоянными попойками и излишествами, я протяну до ста. Почему меня до сих пор считают образцом мужской сексуальности, загадка для меня самого. И что женщины нашли в старом, толстом и лысом субъекте, каким я являюсь на данный момент? Изящный темноволосый Кирилл Терц, каким я был в начале карьеры, давно исчез, уступив место грузному старику с ослепительно белыми зубами – работой голливудских дантистов.

Я прибыл в Бертран в отвратительном настроении. Как всегда, много пил, на публике не появлялся, игнорируя любезные приглашения Великого князя Клода-Ноэля и прочих

влиятельных особ. К чему мне тешить самолюбие визитами к сильным мира сего? Я давно прошел все это.

Потому-то мысль о том, что неплохо бы завершить свой земной путь, и засела у меня в голове. Я не был пьян, наоборот, от этой жуткой идеи я сразу протрезвел: стал строить планы, как мне эффективнее уйти из жизни. Итак, решено, я покончу с собой! Какой будет театр после того, как обнаружат – в самый разгар кинофестиваля – хладный труп Кирилла Терца! Причем ни у кого не должно быть сомнений в том, что это самоубийство, я не хочу, чтобы это приняли за естественную смерть, несчастный случай или ограбление.

Планы собственной кончины так меня захватили, что я даже посетил несколько вечеринок. Мило улыбаясь, я думал о том, не пройти ли мне сейчас к балкону и не прыгнуть ли на глазах рафинированной публики вниз, на террасу? Будь я уверен, что точно расшибусь насмерть, так бы и сделал. Однако что может быть смешнее, чем спасенный самоубийца, более того, самоубийца, который привел в исполнение свою идиотскую затею, но остался-таки в живых. Если так случится, все будут полны ко мне жалости и сочувствия, а именно это я ненавижу более всего.

Возвращался я в отель по набережной, любуясь, возможно, в последний раз, заходящим солнцем. Отравиться? Но тогда не будет никакой ясности, да и со снотворным нужно быть осторожным, можно проглотить пятьдесят таблеток и очнуться в реанимации.

Я бы с радостью застрелился прямо во время присуждения мне «Крылатого льва» на сцене, перед залом в две тысячи человек и стрекочущими камерами. Но во дворец кинофестивалей пистолет не пронести, там все охраняется строжайшим образом. На церемонию пожаловала первая леди США, миссис Тира Мэй Эллиот, супруга бывшего губернатора штата Иллинойс Джеральда Эллиота, который год назад был избран президентом. Симпатичные люди, я голосовал за Джеральда, впрочем, я всегда голосовал за демократов. Да и огнестрельного оружия у меня никогда не было и достать его так быстро проблематично.

Поэтому я принял решение утопиться. Оставлю в пентхаузе недвусмысленную записку о своих намерениях, отправлюсь на набережную и утоплюсь! Я бы сделал это и в роскошной мраморной ванне, но решил, что это будет слишком уж для всех удобно. Нет, пусть помучаются, пусть поищут мое тело в море. Я не буду забираться далеко, чтобы мой труп потом никогда бы не нашли.

Топиться – что может быть противнее и утомительнее. Не с камнем же на шее бросаться в воду! Нет, не с камнем, а вот если как следует напиться, а потом залезть в море и заплыть достаточно далеко, то сил вернуться обратно уже не будет. Я всегда плавал ахово, так что отплыть от берега я смогу, а вот вернуться... Вернуться мне придется, возможно, только через несколько дней и уже в чрезвычайно мокром и безжизненном виде.

Я размышлял о собственной смерти, как об очередной роли. Ну что ж, это будет мой коронный выход. Надеюсь, мне будут аплодировать во время похорон. Захватив с собой бутылку наикрепчайшего бренди, я вышел вечером из отеля и направился в сторону моря. Сейчас во дворце кинофестивалей идет вручение наград, я тоже должен быть там, чтобы получить своего «Крылатого льва». Ничего, им придется подождать...

Вот будет-то сюрприз, первая леди США останется недовольна тем, что я выбрал для самоубийства столь неподходящий момент. Еще бы, только она с мужем приехала в первое европейское турне, чтобы налаживать связи с европейскими странами, которые были порядком разрушены упрямым и самоуверенным предшественником Джеральда Эллиота, только Тира Мэй оказалась в Бертроне, где ее приветствовали овациями и цветами, как все внимание переключится с нее на самоубийцу Кирилла Терца.

Я намеренно не пошел на центральную набережную Бертрона, здесь топиться нельзя, сразу же спасут. И вообще, у них не принято купаться, это же фешенебельное место, здесь у каждого есть по три ванных и два бассейна.

В итоге я оказался в укромном и заброшенном закутке княжества. Кажется, здесь раньше был старый порт, а теперь возвышались складские постройки. Но и те обветшали и опустели. Пустырь был огорожен, однако в заборе зияла огромная дыра. Вывеска гласила, что в скором будущем

здесь будет возведен элитный жилой комплекс. Кто бы сомневался, тут не принято бездарно расходовать площадь и без того крошечного княжества.

Но пока на пустыре никого не было, кроме стрекочущих цикад, и я смело прошел мимо темных помещений к морю и очутился вскоре у старого и скрипящего пирса. Ногой я едва не наступил на крысу, которая с писком унеслась прочь. Фу, какая мерзость!

К своему удивлению, я заметил около пирса современный скоростной катер, который был привязан к почерневшему столбу. Значит, здесь кто-то есть? Я осмотрел катер, он явно принадлежит богатым людям. Точнее, это часть экипировки целой яхты. Я запомнил название, которое было выведено на борту. Кажется, я уже слышал его.

В тот момент мне было не до катера. Я опасался, что случайные свидетели могут попытаться спасти меня. Я затаился в темноте, прижавшись спиной к холодным стенам одного из складских ангаров, открутил пробку и приложился к горлышку бутылки. Мне пришлось опорожнить едва ли не половину, пока я наконец заметил, что алкоголь оказывает действие. За многие десятилетия моего пьянства организм привык к лошадиным дозам, поэтому приходится попотеть, чтобы напиться.

Когда я был готов к тому, чтобы начать свой последний заплыв, я услышал шум. Сначала мне показалось, что это галлюцинации, но потом я удостоверился, что слух меня не

подвел. На пирсе кто-то был.

Осторожно выглянув из-за угла, я увидел пикап с потушенными фарами, который подъехал к складским помещениям. И что им тут надо в этот вечер? Даже суицид – и тот становится неразрешимой проблемой в перенаселенном княжестве! Не заказывать же тур на необитаемый остров, чтобы утопиться?!

Я снова притаился. Скорее всего, это или контрабандисты, или владельцы катера, которые могут быть бандитами. Против них я ничего не имею, в конце концов мой собственный отец сам не чурался преступать закон.

Глаза уже давно привыкли к темноте, я мог видеть все происходящее достаточно отчетливо. Да и ночь была ясной, в небе горели мириады звезд и половинка желтой луны.

Прямо мимо меня прошли, один за другим, три человека, облаченные в темные костюмы. У одного из них на плече был большой сверток. Что им здесь надо?

Они остановились около катера, стали грузиться в него. Я пошевелил ногой и задел бутылку, которая стояла рядом. Та упала, гроыхнув, словно пустое ведро. Один из трех незнакомцев на секунду обернулся, всматриваясь в темноту. Мне почудилось, что он смотрит прямо на меня.

Я похолодел, а потом подумал: надо же, похоже, не придется и кончать с собой, эти молодчики явно не потерпят ненужного свидетеля и просто пристрелят меня. И тогда крах всем моим планам!

Один из мужчин (я уверен, что все трое были мужчинами) подал своему сообщнику, уже стоявшему в катере, тюк, и я увидел на мгновение руку, которая показалась из свертка. Это же человек!

Бандиты хотят избавиться от тела? Но там явно не взрослый, сверток маленький, это ребенок! Я вжался в стену, и мое желание уйти из жизни вдруг испарилось. Я стал свидетелем какого-то гнусного преступления.

Мужчина, подававший сверток, не заметил, что из него что-то выпало в воду. Его сообщник как раз заводил мотор, и они не услышали звук падения. Они на катере направились в море. Их там наверняка ждала яхта, потому что на таком суденышке далеко не уйдешь.

Я подождал несколько минут, пока катер окончательно не скрылся во тьме. Повторил название, которое было написано на борту. Да, теперь я уверен: я помню его. И наверняка такое же название носит и яхта.

Я подошел к пирсу, нагнулся. В воде в нескольких метрах от пирса что-то плавало. Слишком далеко! Пришлось раздеться и, по-старчески кряхтя, опуститься в воду. Черт, какая холодная. А я еще хотел топиться! Старый дурень!

Даже эти несколько метров были для меня тяжелы, а я намеревался отплыть на полкилометра в море! И вот мои руки схватили этот предмет. Я швырнул его на деревянный помост. Разглядеть его я смог только, снова оказавшись на пирсе. Для этого мне пришлось потрудиться, так как руки

скользили по мокрой древесине, а тело упорно не хотело вылезать наверх. Подтянуться – даже это стало для меня проблемой! Я дал себе обещание, что если уж не пришлось покончить с собой, то с завтрашнего дня запишусь в секцию фитнеса. Ну, или со следующей недели!

Вот он, этот таинственный предмет, ради которого я отважился на ночное купание. Вода лилась с моего волосатого живота, когда я наклонился, чтобы разглядеть это нечто.

Детская туфелька! И какая изящная, явно сделанная на заказ и стоящая не одну сотню долларов. Если чей-то ребенок носил ее, то опознать его по этой туфле будет легко. Даже здесь, в Бертроне, где живут только самые состоятельные люди.

Значит, трое мужчин увезли девочку, и вряд ли старше трех-четырех лет. Моя младшая дочь, которая погибла вместе с Кэтрин в автокатастрофе, была тогда такого же возраста. Сейчас бы ей было далеко за тридцать...

Я прижал к груди туфельку, на меня снова накатили воспоминания, я даже заплакал. Затем быстро оделся и зашагал обратно по направлению к цивилизации. Что ж, покончить с собой я всегда успею, а теперь мне требуется оповестить полицию. Произошло преступление, и я стал его свидетелем. Это была не мирная ночная прогулка родителей с ребенком, девочка или убита, или похищена. И пока я не узнаю, что же в самом деле произошло, мне рано отправляться к праотцам.

НИКОЛЕТТА

Время действия: 3 июня

Место действия: Эльпараисо, столица

Республики Коста-Бьянка (Южная Америка)

Николетта Кордеро, прелестная черноволосая женщина, чуть смугловатая, с темными раскосыми глазами, улыбнулась, наблюдая за своим приятелем. Она так и рассчитывала. Ему нужно одно – переспать с ней.

– Нико, – прошептал мужчина, в то время как его горячие руки обшаривали безупречное тело Николетты. – Ты прекрасна, ты просто сводишь с ума...

Он поцеловал Николетту, та попыталась изобразить страсть. Это нужно для ее плана. Грегорио – единственный человек, который сможет открыть ей путь к разгадке тайны, над которой она билась уже почти двадцать два года.

Они находились в роскошно обставленной квартире Грегорио Лопеса, заместителя директора федерального агентства по информации и аналитике республики Коста-Бьянка. Грегорио был высоким и плотным мужчиной лет пятидесяти, уже совершенно седым, с небольшими усиками и хорошей фигурой. Его супруга вместе с детьми гостила у родителей, так что у него имелась неделя, чтобы насладиться свободной жизнью.

Николетта знала об этом, потому она и устроила так, что-

бы Грегорио соблазнил ее. На самом деле она соблазнила его, но зачем бедняжке знать об этом? Грегорио распаялся все больше и больше, он повалил Нико на огромную кровать.

– Подожди, милый, – отстраняясь, произнесла она. – Я тоже жду момента, когда стану твоей, но давай прежде выпьем. Не будем спешить, я хочу насладиться, у нас впереди вся ночь!

Грегорио покорно взял бокал с шампанским, который протянула ему Николетта. Она проследила за тем, чтобы он опустошил его полностью. Затем он снова бросился на нее. Но долго продержаться Грегорио не смог, снотворное оказало действие спустя несколько минут. Он обмяк прямо на Николетте.

Нико, выскользнув из-под массивной фигуры заснувшего Грегорио, убедилась в том, что тот погрузился в крепкий сон, перетащила его на подушки и накрыла легкой простыней. У нее было от шести до восьми часов, чтобы уладить то, ради чего она согласилась стать любовницей Грегорио Лопеса.

Николетта, не одеваясь, покинула спальню и оказалась в кабинете Грегорио. Он был интересен ей не как мужчина, а как заместитель директора федерального агентства по информации и аналитике. Под этим названием скрывалось ведомство, в котором скапливались данные со всего мира, это агентство было настоящим кладезем разнообразной информации.

Овладеть нужной ей информацией можно двумя путями

– или оказаться в самом агентстве, что почти не реально, так как даже она, советник министерства юстиции республики Коста-Бьянка, не имеет на это права, или проникнуть в его электронную базу данных.

Это было еще менее реально, так как база данных агентства охранялась не хуже, а, скорее, лучше, чем резиденция президента Алекса Коваччо. Потому-то Нико и подстроила соблазнение Грегорио Лопеса.

Грегорио был неисправимым бабником, поэтому, когда Николетта сама под села к нему в ресторане и попросила помочь ей в одной юридической коллизии, он сразу же захотел переспать с ней. Так она и очутилась у него в роскошной квартире в фешенебельном районе Эльпараисо. Господин заместитель директора не отказывал себе ни в чем, у него был даже собственный зимний сад и бассейн на целый этаж.

Нико включила ноутбук Грегорио. Она не знает пароль, чтобы проникнуть в него, но это не станет проблемой, у нее есть особый прибор, при помощи которого она может узнать заветную комбинацию. На это потребовалось больше времени, чем она предполагала.

Наконец-то Нико проникла в базу данных. Но, чтобы получить окончательный доступ к информации, требовалось ввести еще один пароль. И тогда машина, уверенная, что открывает доступ господину Грегорио Лопесу, позволит ей узнать все, что требуется.

Двенадцать точек на экране, у нее было всего три попытки, и, если она ошибется в четвертый раз, система поднимет тревогу, а спутник начнет устанавливать ее местонахождение. В Коста-Бьянке заботились об охране секретных данных: еще бы, в агентстве хранятся такие тайны, которые могут привести к политическим и экономическим пертурбациям, и не только в самой республике, но и далеко за ее пределами.

Нико знала: пароль нечто иное, как личный номер Григорио. Вот они, двенадцать цифр, которые выведены на его удостоверение. Ну что же... Nicolette набрала пароль. Нажала мышкой «ОК». А вдруг он сменил пароль? Тогда ее мечта отомстить за смерть брата и напасть на след Магнуса Хаммерштейна так и останется нереализованной.

Но нет, пароль был все тот же. Нико быстро сориентировалась в паутине информации. Вот и досье на основателя корпорации «Хаммерштейн». Она вставила дискету, сделала копию. В память центрального компьютера агентства будет занесено, что Григорио Лопес копировал файлы, и указано точное время. Но ей нет до этого дела. Григорио потом не сможет доказать, что не он, а кто-то другой скачивал ценную и секретную информацию.

Nicolette провела за компьютером около трех часов. От напряжения у нее нестерпимо ныла спина и слипались глаза. Кажется, она нашла все, что только имелось на Магнуса Хаммерштейн теперь в ее власти. Она внимательно изучит

досье и сделает все возможное, чтобы человек, который виновен в смерти ее брата, понес заслуженное наказание. Магнус Хаммерштейн, миллиардер с американским паспортом и темным происхождением. Человек, который основал один из самых крупных мировых косметических концернов, – убийца ее брата Макса!

И хотя с того трагического момента прошло много лет, Нико чувствовала холодную ярость, которая поднималась из глубин ее души. Она поклялась, что Хаммерштейн заплатит за это злодеяние, и уже недалеко от своей цели. Убить его сложно, но реально. Но она никогда не станет на одну с ним ступеньку. Она не причинит ему физического вреда. Она сделает все, чтобы Хаммерштейн понес наказание за многочисленные преступления, в которых он виновен.

Будь она экономистом, ей бы удалось докопаться до финансовых махинаций, которых наверняка полно в документах корпорации «Хаммерштейн». Хоть сейчас она и советник министерства юстиции, многие годы своей жизни Николетта провела в погоне за преступниками на городских улицах. Она всегда предпочитала быстрые действия, а не коварный план. Однако, кажется, настало время и для изощренной мести.

Она вышла из базы данных. Достаточно. У нее не будет больше возможности заглянуть в компьютер Грегорио, но ей это уже и не понадобится. У нее есть десять дискет с информацией.

Николетта спрятала дискеты у себя в одежде, затем вернулась к кровати, на которой храпел Грегорио. Оказавшись на холодных простынях, она и сама не заметила, как заснула. Пришла в себя она оттого, что пряткий Грегорио теребил ее. Сладко зевая и потягиваясь, он произнес:

– Ну что, милая, кажется, я вчера заснул и мы так и не занялись главным. Теперь самое для этого время!

Он навис над ней, слащаво улыбаясь. Николетта знала: плата за информацию о Хаммерштейне – ночь с Грегорио. Она была готова к этому. Едва Лопес прикоснулся к ней, раздалась мелодичная трель его мобильного телефона. Выругавшись, он резко ответил:

– Ну да, что такое?

Его тон мгновенно изменился, Грегорио стал любезным и засюсюкал:

– Крошка моя, конечно, я очень рад. Значит, вы уже на пути домой? Хорошо, что ты с детишками вернулась раньше, чем планировала. Да, да, я жду вас, мои дорогие. Я заработался, провел всю ночь за компьютером...

Николетта хмыкнула. Грегорио провел всю ночь в храпе, а врет, как по писаному. Лопес, положив трубку, вскочил с кровати. Его боевой настрой улетучился, он начал паниковать.

– Моя жена и дети, они на пути сюда из аэропорта. Будут меньше чем через десять минут. Живо одевайся!

Николетта мысленно послала благодарность тому свято-

му, который избавил ее от необходимости отдаться Грегорио. От сотрудниц федерального агентства, которые побывали кратковременными любовницами Лопеса, она знала, что заместитель директора – тайный садист. Видимо, практикует с любовницами то, чем не осмеливается заняться с женой. Еще бы, его жена – дочь председателя национального собрания, ее папа в один счет может стереть в порошок незадачливого Грегорио, если тот причинит ей боль.

Грегорио в спешке натягивал брюки и одновременно пытался заправить супружескую кровать. Николетта, быстро собравшись, подошла к двери. Грегорио сам, распахнув ее, сначала проверил, нет ли кого в коридоре, потом облегченно вздохнул и сказал:

– Сейчас не получилось, Нико, но в следующий раз... Я тебе на днях позвоню, и мы договоримся о встрече. Ведь так?

– Звони, милый, – сказала Нико, увернувшись от усатого поцелуя Грегорио. Она обладала дискетами с информацией, больше Лопес ей не требовался. Пусть звонит, все равно его телефонный номер она занесет в «черный список», и он никогда в жизни не сможет застать ее. А если и прозвонится, то у нее не будет для него времени.

– Быстрее, быстрее, – торопил ее Грегорио. – А то они наверняка уже на месте. Только не на лифте, иди пешком по лестнице. Я не хочу, чтобы ты столкнулась с моей женой в кабине.

– И не забудь убрать шампанское из спальни, – заметила

Николетта. Грегорио был смешон. Он так боялся жены, что Николетта испытала к нему некоторую жалость. Кого именно он боится – супруги или ее всемогущего отца?

Она, пребывая в весьма радостном настроении, отправилась вниз по мраморной лестнице. На первом этаже перед кабиной лифта толклась величественная дама, одетая в шикарный брючный костюм и увешанная массой драгоценностей. Около нее возвышались телохранители и примостились дети Грегорио.

Дама, не соизволив одарить Николетту взглядом, шагнула в лифт. Нико дождалась, пока лифт доедет до третьего этажа, затем прислушалась. Раздался нервный и фальшиво-радостный голос Грегорио:

– Моя дорогая, как я рад, что ты приехала пораньше. Мне было без тебя так одиноко и тоскливо! И как хорошо, что ты позвонила по пути домой, я открыл шампанское...

Оставив Грегорио наедине с грозной супругой, Николетта вышла на улицу. Было раннее утро, уже рассвело, однако в воздухе висела прохлада. Она двинулась по направлению к станции метро.

Через сорок минут она была в своей скромной квартирке. В отличие от Грегорио ей не выделили за государственный счет роскошных апартаментов на двух уровнях. Николетта первым делом отправилась к собственному компьютеру.

Ну что же, ей так хотелось узнать, какую именно информацию она получила на Магнуса Хаммерштейна. И есть ли

здесь что-то, связанное с похищением детей.

На столе около компьютера лежала одна из французских газет. На ее первой полосе аршинными буквами было выведено: «Похищена дочь актрисы Денизы Ровиго. Кто знает о судьбе маленькой Терезы?»

Именно когда Николетта прочла о деталях похищения трехлетней малышки – нападение на бонну, отсутствие требований о выкупе со стороны похитителей, наглое преступление почти у всех на глазах, – она поняла, что это копия того преступления, которое когда-то расследовал ее брат Макс. Из-за того, что он слишком близко подошел к разгадке похищения сына банкира Леонардо Варгаса, Макса и убили. Убили, предварительно сделав из него преступника и обвинив его в том, чего он никогда не совершал.

Николетта была уверена: за всем этим скрывается злой гений Магнуса Хаммерштейна. Получается, что уже больше двадцати лет миллиардер занимается тем, что организует похищения детей. Детей, которые просто исчезают. Ни единого раза не поступало требования о выплате выкупа. Преступники, совершившие злодеяние, вообще не выходили на связь. Судьба детей была неизвестна, и это вызывало темный ужас. Зачем Хаммерштейну маленькие дети?

За эти годы он организовал и спонсировал сотни подобных похищений. Дети знаменитостей были только вершиной айсберга, они составляли едва ли пять процентов от общего числа. В основном исчезали бездомные и беспризор-

ные малыши, которых было полно и в Коста-Бьянке, и в других странах с нестабильной экономикой и шатким политическим режимом. Но никто не хочет признавать, что за этими жуткими преступлениями скрываются концерн «Хаммерштейн» и его основатель и бессменный президент Магнус Хаммерштейн.

Не может быть, что только она пришла к такому выводу. Если внимательно проследить историю всех громких похищений, то можно обнаружить, что Хаммерштейн незримо присутствует на заднем плане. Или никто этого не замечал, или никто не хочет замечать...

Для чего Магнусу дети? Для каких ужасных целей? У него у самого есть взрослый сын. И что он делает с похищенными малышами? Об их дальнейшей судьбе никто ничего не знает. Николетта предпочитала не думать о том, для чего дети оказываются жертвами похищений. Но Хаммерштейн не похож на педофила или маньяка. Скорее, он производит впечатление ледяного дельца с полным отсутствием совести и принципов.

И если никто не хочет сразиться с могущественным миллиардером, то эту миссию возьмет на себя она, Николетта Кордеро. Она отомстит ему за то, что по приказу Хаммерштейна был убит ее старший брат.

Она углубилась в изучение информации, которую получила при помощи Грегорио. Итак, господин Магнус Хаммерштейн, в чем же именно мы можем вас заподозрить?

ЛЕНА

Время действия: 9 – 15 июня

Место действия: Новгородская область (Россия)

– Исходя из всего вышесказанного, – завершил свою тираду Дмитрий Львович, – я мог сделать вывод, что именно концепция Регины Владимировны является наиболее полной и оригинальной.

Он сделал паузу. Регина горделиво оглядела всех присутствующих. Конечно, она привыкла быть первой. «Ну что же, Леночка. – Она бросила взгляд на свою основную конкурентку. – Ничего не поделаешь, хвалят меня, а не тебя».

Совещание проходило в конференц-зале, который располагался на территории русского филиала концерна «Хаммерштейн». Семь лет назад американский магнат Магнус Хаммерштейн принял решение о передислокации своих предприятий из Западной в Восточную Европу. На протяжении нескольких десятилетий «Хаммерштейн» являлся одним из мировых лидеров по производству косметической продукции, и с падением советского блока перед ним открылись новые рынки сбыта.

А также новые территории, на которых можно было производить пользующийся спросом товар, затрачивая несоизмеримо меньше средств, чем в Германии, Франции или са-

мой Америке. Заводы концерна были разбросаны теперь по всему миру: несколько в бывших коммунистических странах, еще больше – в Китае, Индии, Южной Америке.

Магнус Хаммерштейн сэкономил таким образом расходы на производство, рабочая сила была в этих странах копеечной по сравнению с затратами в Западной Европе и Северной Америке. И это увеличивало прибыль концерна и личное состояние его президента.

Его никогда не волновали человеческие судьбы. То, что при закрытии заводов в Европе и США потеряли работу в общей сложности больше ста тысяч человек, было подано менеджерами концерна как взвешенный и стратегически верный ход руководства.

Новгородская область выиграла конкурс на право строительства на своей территории завода концерна. И за считанные месяцы в десяти километрах от областного центра была возведена суперсовременная фабрика, которая выпускала всемирно известную продукцию и на которой трудились почти шесть тысяч человек.

Если в Америке и Европе Хаммерштейна считали лицемерным и хладнокровным делягой, который ради прибыли готов пойти на сделку с сатаной, то в развивающихся странах он был другом президентов и благородным рыцарем, который давал рабочие места множеству людей и стимулировал местную экономику.

Рекламный отдел русского филиала занимался тем, что

разрабатывал наилучшую концепцию по продвижению на рынок ряда новых продуктов концерна. Дмитрий Львович, глава отдела, внимательно выслушивал концепции рекламной кампании, которые предлагали ему сотрудники.

– Спасибо за вашу высокую оценку моих предложений, – сказала Регина Станкевич с холодной улыбкой. Она была довольна: в который раз она оказалась первой и лучшей. Еще бы, что могут противопоставить ей другие? Регина знала, что рано или поздно она займет место Дмитрия Львовича, а затем... Затем она бы не отказалась от перевода в один из зарубежных филиалов «Хаммерштейна». Среди топ-менеджмента корпорации было немало иностранцев, и все эти топ-менеджеры заседали по-прежнему в Чикаго. Попасть туда было самой сокровенной мечтой Регины.

Она тряхнула головой и посмотрела на свою конкурентку, Лену Монастырскую. Они отличались не только предлагаемыми концепциями, они разнились и внешне. Регина всегда уделяла много времени собственному антуражу и считала себя весьма стильной молодой дамой. Невысокая брюнетка, она всегда говорила с апломбом и предпочитала черный цвет, перламутровые оттенки помады и платину.

Елена Монастырская улыбнулась в ответ на взгляд Регины, за которым на самом деле скрывался вызов. Она поправила непослушные каштановые пряди. Регина выглядит сегодня, как всегда, потрясающе, она долго работала не только над своими предложениями по рекламной кампании, но

уделила пару часов и собственному внешнему виду. Настоящая принцесса...

Хотя Регина называла именно ее, Лену, принцессой и как-то желчно заметила, что своим телосложением Лена напoминает покойную принцессу Диану – такая же нескладная и слишком высокая.

– Будь ты еще блондинкой, дорогая, была бы ее точная копия. Жаль, что Диана погибла так нелепо. Но твои синие глаза...

Регина завидовала удивительному природному цвету Лениных глаз, даже появлялась иногда в темно-синих линзах. Лена относилась к этой женской конкуренции по-философски спокойно. И чем спокойнее она была, тем больше бесилась Регина. Но Станкевич никогда не подавала и виду, что не любит Лену. Более того, она говорила, что Леночка – ее лучшая подруга.

– Ага, тогда я – Коко Шанель, – возражала на это Тамара Павловна Воеводина, еще одна сотрудница рекламного отдела. Тамара Павловна, носившая короткие стрижки, клетчатые пиджаки и вечно дымившая дешевыми сигаретами, и взяла под свою опеку Лену. Воеводина открыто конфликтовала с Региной.

– Эта чистоплюйка ставит себя выше всех, – говорила безапелляционно Тамара Павловна. – И твердит, что папа у нее контр-адмирал, а мама – поэтесса, член Союза писателей и получила когда-то похвальные отзывы от Анны Ахматовой.

Так я этому и поверила! Ты читала стихи мамыши Регины? Типичная советская конъюнктурщина, бездарное воспевание очередей за колбасой, нудных субботников и отпуска дикарем в Сочи. Наверняка ее мамаша такая же, как дочка. А легенду об Ахматовой сами придумали!

Тамара Павловна, самый заслуженный сотрудник отдела, не скрывала своего возраста и относилась к Лене с материнской нежностью.

– Цени, что такая бабка, как я, дружу с тобой, – говорила она не раз в «курилке». – А Региночке мы зададим жару, она еще получит по своему курносому носику сковородкой!

Курносый нос, который, как считала Регина, портил ее идеальную нордическую внешность, был незаживающей раной дочери поэтессы. Поэтому, когда однажды после отпуска Регина появилась на работе, презентовав коллегам свой новый носик, совершенно прямой и ничуть не вздернутый, Тамара Павловна ахнула, а затем громогласно поинтересовалась, у какого Буратины Регина стырила «этот шнобель». Регина, которая летала на пластическую операцию в Швейцарию, вспыхнула и с того момента возненавидела Воеводину.

– Я старалась разработать наилучший план, – продолжала Регина, уже не скрывая торжества. – И, судя по вашим словам, Дмитрий Львович, это мне удалось. Сожалею, что коллеги были не так удачливы...

Дмитрий Львович, зашуршав бумагами, кашлянул и сказал:

– Однако не торопитесь, Регина Владимировна. Я повторю, ваш план блестящ и превосходен, однако... Однако он совершенно не годится для внутреннего рынка. Вы, наверное, забыли, что мы разрабатываем рекламную концепцию новой продукции не для Западной Европы и тем более не для Соединенных Штатов, а для России. То, что вы предложили, будет иметь колоссальный успех и несомненный резонанс в Париже, Мюнхене или Сан-Франциско, но у нас... Хочу вам напомнить, что жизнь в нашей стране несколько отличается от условий жизни за рубежом. И это данность, которую нужно обязательно учитывать при проведении рекламной кампании.

Тамара Павловна, облаченная, как всегда, в брюки и клетчатый, ядовито-горчичного цвета пиджак, крикнула и пробасила:

– Регинушка, что же ты так оплошала? Или перепутала страны? Такое бывает, если постоянно мечтать о месте в чикагской штаб-квартире.

Регина даже не удостоила Воеводину и кивком головы. Она окаменела, улыбка приросла к ее холеному лицу. Больше всего Станкевич ненавидела критику, в особенности публичную, когда свидетелями ее краха становились коллеги. Суровые родители воспитывали Регину в твердом убеждении, что критика в свой адрес – синоним собственной слабости и несостоятельности и поэтому совершенно недопустима.

Другие сотрудники отдела, красавец Михаил, одиночка Сергей и конформист Виктор, начали вносить свои предложения. Активизировалась и Тамара Павловна, которая на правах старшего товарища тыкала всем, даже шефу, перебивала каждого и отпускала едкие замечания.

– Ну, Витенька, это же курам на смех, с такими предложениями тебе дальше собачьей конуры соваться не надо...

– Миша, ты что, обалдел? У нас же главными потребителями продукции являются женщины, а ты зачем-то впариваешь сюда Шварценеггера. И вообще, он ведь к бабам приставал, плохо себя вел...

– А это уже лучше, Сережа, но придется еще немного посидеть и подумать. Годика этак четыре, не больше...

Лена улыбнулась. Тамара Павловна была в своем обычном репертуаре. На ее зачастую бестактные замечания никто не обижался (за исключением Регины), все привыкли, что она говорит правду или то, что считает таковой.

– Прекрасно, дамы и господа, – прервал дебаты Дмитрий Львович. Он поправил тонкую стальную оправу очков и, посмотрев на Лену, сказал:

– Елена Николаевна, почему же вы молчите? Я получил от вас весьма интересный проект рекламной кампании. Может, изложите его всем присутствующим?

Лена, которая пришла в отдел позже всех и работала в нем всего лишь год, так и не смогла избавиться за прошедшие двенадцать месяцев от ощущения, что она здесь нови-

чок и другие имеют гораздо больше прав что-то утверждать и предлагать.

– Конечно, – сказала она, чувствуя, как сердце в груди начинает бешено стучать. Самое важное – сохранять полное спокойствие. Она же уверена, что ее концепция наиболее оптимальная. И даже если коллеги раскритикуют ее в пух и прах, то для того она и работает в отделе, чтобы на основе критических замечаний выбрать наилучший вариант. Именно этого требует от них руководство «Хаммерштейна». Лена вспомнила о том, что через несколько дней на фабрику ожидается визит высоких гостей: к ним пожалует супруга самого господина Магнуса Хаммерштейна Грегуара в сопровождении сына и наследника Эдуарда. Сам Хаммерштейн почти никогда не достаивал свои предприятия чести принимать себя лично. Говорят, он много времени проводит на личном острове в океане, где занимается подводным плаванием и разработкой новых запахов.

Лена прошествовала к доске, на которой закрепила первый плакат со схематичным изображением центральных фаз рекламной кампании. Через три месяца на российский рынок предстояло выбросить ряд новых продуктов – духи, дезодоранты, помады, крем. И чтобы иметь успех и потеснить конкурентов, требовалось детально разработать каждый шаг презентации новинок.

Она начала излагать план. Тамара Павловна, наклонив голову с неизменной короткой прической, слушала ее очень

внимательно. Воеводина только играла, изображая громогласную особу, которая не стесняется в выражениях, на самом деле она была одним из лучших специалистов в своей области в стране. Иначе бы она и не работала в «Хаммерштейне».

Михаил, с которым в последнее время у Лены сложились романтические отношения, что-то быстро писал в блокноте, то и дело бросая взгляд то на Лену, то на доску с плакатом. Меланхоличный Сергей Фишер, который за день мог не проронить ни слова, хмурил лоб, Виктор Медведев, всегда становящийся на сторону победителя, выжидал. Глава отдела, Дмитрий Львович, внимательно следил за объяснениями Лены Монастырской, и по его лицу она не могла понять, какое именно впечатление производит на него ее доклад.

Зато Регина! Лена, взглянув на Станкевич, сразу поняла, что победила. Регина, которая и так была всегда бледна, в основном при помощи большого количества тонального крема и пудры производства концерна «Хаммерштейн», теперь сравнилась по цвету с белыми стенами. Улыбка давно исчезла, а тонкие пальцы с покрытыми серебристым лаком длинными ногтями нервно рвали на клочки лист бумаги. На столе перед Региной уже громоздилась приличная кучка обрывков.

– Вот и все, – просто закончила Лена и смахнула длинную каштановую прядь, которая упала ей на лоб.

– Ваше мнение. – Дмитрий Львович повернулся к сотруд-

никам. Он никогда первым не выносил вердикт, предоставляя своим подчиненным решать судьбу проекта. И только потом говорил то, что думает по тому или иному вопросу.

– Великолепно, я чуть не описалась от радости, когда услышала, – резюмировала Тамара Павловна. – Пара корректур, и это поперет, как танк в пустыне.

– Почти идеально, – сказал Михаил и сверкнул белозубой улыбкой. Лена почувствовала, что любит его. Сергей Фишер промямлил нечто невразумительное, однако это означало его полное одобрение. Виктор Медведев, увидев, куда дует ветер, мгновенно примкнул к мнению большинства и начал сыпать цветистыми комплиментами.

– Регина? – Дмитрий Львович ждал мнения Станкевич. Та, разорвав последнюю полоску бумаги, сказала поразительно ровным и лишенным эмоций голосом:

– Мне кажется, что Лена проделала удивительную работу. Ее предложения – самые подходящие.

– Я тоже такого же мнения, – завершил Дмитрий Львович. – Регина Владимировна, ваши идеи, без сомнения, ценны, поэтому приберегите их для европейского семинара. На него поедете именно вы. Но об этом мы поговорим лично с вами...

Регина, деморализованная успехом Лены, снова расцвела, а в ее глазах (на этот раз зеленых с золотыми искорками благодаря контактному линзам) сверкнуло торжество.

Совещание было завершено. Сотрудники вернулись в

свои кабинеты, чтобы продолжить работу. Тамара Павловна задержала на выходе Лену и прогрохотала:

– Молодец, Ленка! Утерла нос нашей мадам Баттерфляй. Зато она едет на семинар в Европу. Ну что же, мы, так сказать, для внутреннего пользования, а она – для внешнего. Ладно, давай пить кофе!

Лена видела, что Михаил тоже хочет поговорить с ней. Тамара Павловна, заметив его высокую фигуру, сказала шепотом, который разносился по всему коридору:

– Хорошо, детка, я пошла кофеманить, ты присоединишься ко мне позже. Тебя ждет кавалер. И мы обсудим с тобой кое-какие исправления, которые, как я думаю, надо внести в твои предложения, прежде чем отправлять их на самый верх.

Она гренадерским шагом вышла из конференц-зала, затем повернулась и погрозила Лене и Михаилу длинным пальцем с обгрызенным ногтем:

– Только без глупостей, голубки. И не долго, а то я одна без тебя выдую весь кофе, и, если потом меня хватит Кондратий, Ленка, будешь в этом виновата!

Михаил прошел в конференц-зал, закрыл за собой дверь и сказал:

– Леночка, это было грандиозно. Я тобой горжусь...

Он оказался около нее, Лена вздохнула. Она и впрямь влюбилась в Михаила. Он обнял ее и нежно поцеловал. Затем провел рукой по ее длинным каштановым волосам:

– Мы сегодня встретимся, не так ли? Я приду к тебе, Ле-

на?

Глядя в открытое лицо Михаила, в его карие глаза, она не смогла ответить «нет». Слава богу, что никого особо не занимал их служебный роман. Только Регина иногда намекала на то, что «шашни на коврике для мышки – моветон». Однако, как успокоила Лену Воеводина, на самом деле Регина бесится из-за того, что темноволосый красавец Михаил положил глаз не на нее, а на Лену.

– Регинка со своим характером кого угодно от себя отпугнет. Да она и не способна к долгим отношениям, к тому же все время твердит, что ей не нужен русский муж, намеревается выйти замуж за влиятельного иностранца. Это за сына Хаммерштейна, что ли?

Скорый визит на фабрику супруги Магнуса Хаммерштейна и его сына-наследника, которые хотели самолично убедиться, что дела в русском филиале идут превосходно, был темой кулуарных бесед и сплетен. Грегуара Хаммерштейн считалась одной из самых элегантных дам высшего света Америки и Европы. А ее сын Эдуард, которому было чуть за тридцать, являлся мечтой многих молоденьких (и не только) сотрудниц концерна.

Когда Лена заглянула в кабинет к Тамаре Павловне, та что-то печатала на компьютере, одновременно поглощая очередную чашку кофе.

– Проходи, – сказала Воеводина. – Ну что, намиловалась с Мишкой? Он – парень неплохой, смазливый, только немного

безалаберный. Так что роман с тобой ему только на пользу пойдет. Кстати, как думаешь, когда приедет Эдик, он на меня внимание обратит? Я – баба в самом соку, жару могу задать ой-ой-ой!

Эдиком Тамара Павловна именовала Эдуарда Хаммерштейна. Его фото, вырванное откуда-то из глянцевого иностранного журнала, лежало поверх бумаг на столе Воеводиной. Светловолосый атлетического вида красавец в смокинге, с сексуальной улыбкой и неотразимым шармом, Эдуард был не женат, и стать его супругой хотели многие из благородных девиц пяти континентов. Там же на фото была изображена и его мать Грегуара – блондинка с идеальным бледным лицом и точеной фигурой. На вид ей нельзя дать больше тридцати пяти, хотя этого не могло быть, так как ее сыну было немногим меньше. На самом деле возраст Грегуары приближался к шестидесяти.

– А Ягуара-то похожа на Регинку, такой наша Станкевич и станет лет через двадцать, – сказала Воеводина, наливая Лене в чашку жутко крепкий кофе. Тамара Павловна обожала такой кофе, от которого аж дух захватывало. Она где-то вычитала, что Екатерина Великая тоже была кофеманкой, и неподготовленные гости, хлебнув из кофейника императрицы, падали в обморок от густоты напитка. Екатерина Тамаре Павловне импонировала: «и страну вперед толкала, и о себе, грешной, не забывала».

Тамара Павловна не скрывала, что ей не нравится Регина.

Та, впрочем, питала к Воеводиной такие же чувства.

– Ну что, дорогая, – заявила Тамара Павловна, – а теперь примемся за работу. Твои предложения почти идеальны, и сейчас мы попытаемся сделать их идеальными на сто процентов. Ты, Ленка, самая светлая голова в нашем отделе. После меня, конечно!

Вечером того же дня, возвращаясь пешком домой, Лена Монастырская подумала, что счастлива. Еще бы, ей двадцать семь лет, она окончила Московский государственный университет и работает на одном из самых прибыльных и динамично развивающихся предприятий страны. Когда на ее резюме пришел положительный ответ от концерна «Хаммерштейн», Лена почти не удивилась. Она, недолго думая, приняла решение переехать из столицы в Новгородскую область. «Хаммерштейн» был отличным плацдармом для карьеры.

И вот теперь она живет в пригороде Великого Новгорода, уютного, древнего и компактного города. Концерн, заботясь о сотрудниках (не обо всех, конечно, а в первую очередь о тех, кто занимается разработкой стратегически важных решений), выстроил недалеко от заводских корпусов коттеджи, в которых, ничего не платя, могли жить те, кто работал на «Хаммерштейн». В число этих счастливчиков попала и Лена Монастырская. Ей предоставили половину добротного коттеджа, в котором было все, что требовалось для беззаботной жизни. Она знала: стоит ей разорвать контракт с концерном, как придется покинуть жилище, которое она обставила по

собственному вкусу. Впрочем, Лена не намеревалась разрывать контракт и отказываться от продолжения карьеры в концерне.

Коттеджи располагались в нескольких километрах от фабрики, обычно живущие там добирались до дома на автобусе, ходившем каждые полчаса, или на собственных автомобилях. В тот день Лена решила прогуляться.

Рабочий день закончился, однако июньское солнце светило по-прежнему ярко. Она шла вдоль трассы, думая о том, что сегодня предложила Воеводина. У Тамары Павловны, без сомнения, есть голова на плечах.

В двадцать семь лет Лена получила так много: перспективная и высокооплачиваемая работа, карьерные шансы, даже жилище, которое оплачивает не она сама, а работодатель. Концерну «Хаммерштейн» пророчили великолепное будущее. Лена регулярно просматривала новости с биржи: «Хаммерштейн» был концерном, который получал прибыль, несмотря на экономический спад и всеобщее отсутствие инвестиций. Попасть в число его работников желали многие тысячи, а достаивались этой чести только избранные единицы. Лена в который раз подумала, что ей повезло. Впрочем, она, конечно, нашла бы иную работу, но «Хаммерштейн»... Пожалуй, он был мечтой любого смертного!

Ну, вот показались и крыши поселка. Лена очутилась перед коттеджем. Она знала, что за секретами концерна идет настоящая охота, несколько раз ловили промышленных

шпионов, а некоторое время назад весьма крупный работник был молниеносно уволен, после того как стало известно, что он якшается с конкурентами. Сотрудники концерна дорожили своей работой: со временем они могли получить в собственность квартиру в Великом Новгороде или коттедж в поселке, помимо этого имелась возможность по чрезвычайно льготным ценам отдыхать на нескольких иностранных курортах, жить в отелях, принадлежащих господину Магнусу Хаммерштейну, который позволял своим сотрудникам нежиться под солнцем, почти ничего не тратя из собственного кошелька. А еще: забота о пенсионном страховании, медицинские услуги высочайшего класса, фитнес-центры, сауны, бассейн и великолепные фабричные столовые. Хаммерштейн не раз заявлял, что пришел в Россию надолго, и все его действия подтверждали эти слова.

Лена открыла дверь и в этот момент услышала шаги. Обернувшись, она увидела Михаила. Тот произнес:

– У тебя найдется для меня свободная минутка?

– Ну конечно, – ответила Лена. Они поднялись по лестнице на второй этаж, Михаил чувствовал себя здесь как дома. Он обнял Лену и сказал:

– Как я горжусь тобой, малышка! Сегодня ты была, как всегда, очаровательна.

Вечером, когда Михаил, сославшись на то, что ему необходимо подготовить кое-какие документы для предстоящего визита Грегуары и Эдуарда Хаммерштейнов, ушел, Ле-

на осталась одна. Они великолепно провели время: Михаил был ласковым и нежным любовником, кроме того, он замечательно готовил. Она сидела перед компьютером и пыталась изменить шаги рекламной кампании в соответствии с теми предложениями, которые внесла Тамара Павловна. Лена не чувствовала усталости. Ей нравилось работать, и она знала, что руководство концерна одобряет такой энтузиазм.

На следующий день она предоставила Дмитрию Львовичу исправленный вариант проекта. Тот, внимательно изучив его, заметил:

– Елена Николаевна, вы потрудились на славу. Впрочем, как и Тамара Павловна. Высокое начальство это наверняка одобрит, хотя, как вы знаете, внесет свои изменения. И вот что я подумал...

Они находились в просторном и скромно обставленном кабинете руководителя рекламного отдела Дмитрия Львовича: светлые стены, копии абстракционистских шедевров, самый современный и быстродействующий компьютер с плоским монитором и прочая техника, необходимая боссу.

– Хотите кофе? – задал вопрос Дмитрий Львович. Лена поняла, что он хочет побеседовать с ней. Но о чем именно? Вроде бы все вопросы, связанные с рекламным проектом, они уже уладили.

Дмитрий Львович получил согласие Лены, взял трубку интеркома и попросил секретаршу принести им два кофе. Затем заявил:

– Елена Николаевна, я рад, что вы работаете под моим началом. Я никогда не сомневался в том, что наше руководство сделало правильно, выбрав именно вас из возможных претендентов. Я раньше не говорил, но у вас было сто семьдесят четыре конкурента. Сто семьдесят четыре! И мы остановили наш выбор на вас.

Лена улыбнулась. Что ж, этот разговор тешит ее самолюбие, но для чего Дима (так сотрудники отдела называли начальника за глаза) вспомнил дела давно минувших дней?

Принесли кофе, когда секретарша вышла, Дмитрий Львович продолжил:

– За год работы в нашем коллективе вы полностью раскрыли свои способности, Елена Николаевна. Повторюсь, я очень вами доволен. Поэтому сделаю вам предложение...

Он замолчал, размешивая в чашке сахар. Затем, вперив в Лену взгляд сквозь тонкую оправу очков, сказал:

– Конечно, вам известно, что всего через несколько дней нас почтят монаршим визитом Грегуара Хаммерштейн, супруга президента концерна, и ее сын Эдуард, который в свое время станет преемником отца. Они совершают инспекционные поездки по ряду иностранных филиалов. От оценки нашей деятельности этими двумя людьми будет зависеть очень многое. Скажу честно, нам важнее всего мнение молодого Хаммерштейна. Его матушка Грегуара – только красивая декорация, она не очень-то смыслит в делах, а отношение к косметике имеет исключительно как активный ее

потребитель.

– А почему сам господин Хаммерштейн-старший не навестит нас? – спросила Лена. О Хаммерштейне ходили разнообразные и противоречивые слухи. Начать с того, что в прессе почти не было его фотографий, а те, что имелись, были давно устаревшими и размытыми. Миллиардер, который регулярно входил в сотню самых богатых людей мира, сторонился СМИ.

– О, это не его стиль, – сказал Дмитрий Львович. – Но не думайте, что я знаю про него больше вас. Я ведь в конце концов такой же наемный сотрудник, как и вы, Елена Николаевна. Однако он неусыпно держит руку на пульсе, высшее руководство ежедневно отправляет ему отчеты о том, что происходит на предприятии, он вникает во все мелочи. Ему за шестьдесят, однако Хаммерштейн по праву считается одним из самых блестящих финансовых умов на этой планете. Он обитает то на своем острове где-то в океане, то в многочисленных поместьях, разбросанных по всему миру.

Дмитрий Львович сделал паузу. Все это Лена и так знала. Магнус Хаммерштейн, скорее всего, намеренно нагнетал таинственность вокруг собственного имени, это помогало ему создавать ореол легендарности и секретности.

– Так вот, – продолжал начальник. – Господин Эдуард Хаммерштейн в отличие от своего отца не сторонится мас-медиа. И помимо этого вникает в каждую мелочь. Этот молодой человек станет когда-нибудь владельцем всех фабрик

концерна и личного состояния Магнуса, которое перевалило за несколько миллиардов. Он окончил лучший вуз Америки, стажировался в Англии и возглавлял в течение года один из филиалов в Восточной Европе. Как вы прекрасно понимаете, мы хотим произвести на него наилучшее впечатление.

Лена начала догадываться, какую именно миссию ей намеревались поручить.

– Беда многих сотрудников и сотрудниц нашего концерна в том, что они владеют иностранными языками не в той мере, Елена Николаевна, в какой это требуется для ведения бизнеса. Знание как минимум одного языка, английского, является обязательным условием для приема на работу в концерн «Хаммерштейн», однако это все теория... А вот вы, и мне это точно известно, прекрасно владеете английским и французским и также бегло говорите на итальянском и испанском. Ведь это так?

– Да, – подтвердила Лена. Еще в школе она заметила, что языки даются ей необычайно легко. Затем в течение многих лет ее хобби было самостоятельное изучение все новых языков. – Кстати, вы забыли упомянуть, Дмитрий Львович, что я также разговариваю и пишу на эсперанто.

Начальник рассмеялся и заметил:

– Чувство юмора – тоже обязательный атрибут при общении с высокими гостями. Так вот, Елена Николаевна, мы думаем, что вы – наиболее подходящая кандидатура для того, чтобы презентовать господину Эдуарду Хаммерштейну

на английском языке, разумеется, детальный план наших рекламных задумок, а также чтобы сопровождать молодого хозяина во время его экскурсии по фабрике. Конечно, нам не составило бы труда использовать переводчика из международного отдела концерна, однако одно дело – наемная сила, не имеющая прямого отношения к процессу производства, и совсем другое – вы. Вы же сможете сделать это, Елена Николаевна? На вас возлагаются очень большие надежды! Вы – прелестная молодая дама, свободно говорящая на иностранных языках, которая детально знакома с рекламной кампанией и разбирается в жизни нашего предприятия.

Лена поняла, что решение принято уже давно. Она не может ответить отказом. Да и почему она должна отказаться? Затем она подумала о Регине Станкевич. Та ведь тоже говорит по-английски и наверняка не скажет «нет», если ей предложат подобное. И вообще, посмотреть на Эдика и Ягуару, как окрестила сына и мамашу Хаммерштейнов Тамара Павловна, было редкостным шансом.

– Спасибо за лестную оценку моих скромных способностей, Дмитрий Львович, – произнесла Лена. – Как я понимаю, ответ вам требуется прямо сейчас?

– Не отказался бы, – сказал начальник. Тогда Монастырская легко ответила:

– Я согласна, вы можете на меня рассчитывать.

– Отлично. – Дмитрий Львович перевел дух. – Я и не сомневался, Елена Николаевна, что вы не бросите нас на про-

извол судьбы. Забыл сказать, что на время визита Хаммерштейнов вам предоставляется мини-отпуск за счет концерна, конечно, при полном сохранении зарплаты. Кроме того, вам будет выплачена премия. И о вас не забудут...

– О тебе не забудут! – то же самое сказала Лене и Воеводина, когда Монастырская рассказала о том, что ей предстоит всего через пару дней. Тамара Павловна, облаченная в яркий розово-черный пиджак и слишком узкие брюки, пила кофе и стучала по клавиатуре компьютера. – Ты войдешь в анналы истории, моя крошка! Давай, соблазни этого сынка миллиардера. Он, насколько я слышала, плейбой. И, что самое важное, холостой. Тебе ведь знакомо имя Ольги Маккинзи?

Лена попыталась вспомнить, где слышала это имя.

– Она была скромной переводчицей, а потом вышла замуж за американского миллиардера-компьютерщика, – отчеканила всезнающая Тамара Павловна. Увлечением Воеводиной был сбор сплетен из иллюстрированных журналов о сильных мира сего. – Потом муженек умер от отравления, жену судили и признали виновной. А потом выяснилось, что на самом деле она – невиновная, а миллиардера, который завещал ей все бабки, траванули другие. Теперь Ольга – глава концерна «Центурион», одного из мировых лидеров по производству персональных компьютеров. Как тебе такие перспективы, моя дорогая? Возьмешь меня к себе мажордомом, когда переедешь в питсбургский особняк Эдика на правах

его законной половины?

Зато Регина была в ярости из-за выбора Лены. Когда Монастырская зашла в «курилку», небольшое помещение, где сотрудники могли предаться дурной привычке (курить на рабочем месте было категорически запрещено под страхом немедленного увольнения), она услышала обрывок разговора Регины, дымившей длинной сигарой, с сотрудницей соседнего отдела. Курить можно было также на крыше главного корпуса, превращенной в садик, однако уже несколько недель там что-то упорно чинили. Поэтому все поклонники никотина стягивались в «курилку».

— ...И кто в итоге становится девушкой, которая будет сопровождать Эдуарда денно и ночью во время его визита? Нет, не я, хотя я говорю по-английски, и даже с американским акцентом, даром, что ли, я училась два года в колледже на Западном побережье. Она, наша Леночка! И почему? Неужели из-за каких-то особых качеств? Позволю себе предположить, что если особые качества у нее и есть, то не в голове, а пониже. Ты же знаешь, она спит с Мишей Косовым. А теперь я уверена, что и с Дмитрием Львовичем, иначе бы почему он выбрал не меня, а ее...

Беседа мгновенно прекратилась, как только Лена вошла в курилку. Регина намеренно отвернулась, делая вид, что не видит ее, сотрудница другого отдела, которая секунду назад с открытым ртом внимала сплетням, закашлялась и отвела глаза. Лена почувствовала гнев и, что самое ужасное, нелов-

кость. Да плевать ей, что будет рассказывать другим Регина. Пусть думают, что она спит и с Мишей, и с Дмитрием Львовичем!

Тамара Павловна, которая сопровождала Лену и тоже слышала едкие и лживые слова Регины, хмыкнула, подошла к Станкевич, развернула ее к себе лицом и, положив ей на плечо руку, произнесла грудным и томным голосом:

– Регинушка, моя золотая, я все никак не могу прийти в себя после нашего вчерашнего совместного вечера. И после нашей ночи. Ты ведь обещала, что сегодня опять останешься у меня ночевать? Так что непременно жду, мой бледнолицый пупсик!

И, чмокнув остолбеневшую Регину в мраморную щеку, вышла вон. Лена видела, как зашептались сотрудники, находившиеся в курилке. Наверняка о том, что Тамара Павловна Воеводина проявила на людях нежность по отношению к королеве Регине, станет известно через два часа всем и каждому.

Тамара Павловна потом долго хохотала над собственной выходкой в своем кабинете.

– Моя репутация так безупречна, что, как говаривала рязановская Мымра, пора бы ее немного испортить. Каково? И поделом Регинке, пусть не сочиняет того, о чем не имеет ни малейшего понятия!

Регина ворвалась в кабинет к Воеводиной и, не обращая внимания на присутствие Лены, закатила форменную исте-

рику.

– Старая извращенка... Идиотка! Мерзкая старуха! Что ты себе позволяешь, да я... Да я...

– И что ты? – спросила Тамара Павловна, поднимаясь, подобно горе, из вертящегося кресла. – Забыла, детка, что мозги от постоянных сплетен увядают? А теперь будь добра покинуть мой кабинет через то же отверстие, через которое ты в него проникла без приглашения! Или твой папа-адмирал не учил тебя стучать, прежде чем вваливаться к чужим людям?

– Ненавижу! Ты у меня еще за это заплатишься! – выкрикнула Регина. – Это ты ее подговорила. – Станкевич ткнула пальцем в растерявшуюся Лену. – Вы с ней заодно. Ну ладно, я этого так не оставлю!

Последующие дни прошли в сутолоке и подготовке к визиту Хаммерштейнов. Наконец, настал день их долгожданного приезда. Сначала они приземлились на личном лайнере в Санкт-Петербурге, затем на вертолете направились в сторону Великого Новгорода.

Лена несколько нервничала. Все же ей придется сопровождать Эдуарда и его мамочку. Официальная программа начнется только на следующий день, а сегодня предстоит принять участие в торжественной встрече матери и сына Хаммерштейнов.

Меры предосторожности и охрана территории фабрики были многократно усилены. И все из-за того, что около вы-

соченного забора, который ограждал русский филиал «Хаммерштейна» от всего остального мира, проходил несанкционированный митинг. К заводу подтянулись немногочисленные местные активисты коммунистической партии, представители анархистов, а также пикет «зеленых». Некоторые из защитников окружающей среды приехали из-за рубежа, дабы протестовать против агрессивной, по их мнению, политики концерна. Лена знала, что где-то в лабораториях проводятся опыты на животных, но это происходит во многих косметических гигантах, даже если те и отрицают факты висекции.

– Вот, посмотрите. – Лена в числе еще нескольких встречающих высоких гостей находилась в пункте охраны фабрики, где на экранах высвечивалась территория, прилегающая к «Хаммерштейну». Флаги, бодрые песни, плакаты с надписями «Убирайся домой, буржуй!», «Нет – убийству животных ради красоты» и «Сам сядь в клетку вместо подопытной крысы».

– Все под контролем, – уверил их шеф службы безопасности. – Они не проникнут на территорию завода, это полностью исключено.

– Надеюсь, – проронил глава филиала. – Учтите, будете отвечать головой за любой эксцесс. В Чехии в Эдуарда пытались метнуть торт чертовы антиглобалисты. У нас такого быть не должно. Вы же понимаете, Эдуард потом может сказать своему отцу, что у нас охрана никуда не годится. И мы

все потеряем работу. Однако вы – в первую очередь, я позабочусь об этом лично!

Начальство снова получило заверения в том, что политические маргиналы, протестующие против политики концерна, останутся за забором фабрики и не причинят гостям никакого вреда.

– Эдуард и Грегуара даже и знать не будут о протестах, – сказал шеф безопасности. – Их вертолет сядет с противоположной стороны, они и не увидят пикета у ворот. Эти придурки думают, что их привезут на машинах, я специально запустил такой слух.

– Отличная работа, – похвалил кто-то из боссов. – Ага, кажется, они уже подлетают!

И в самом деле, вдали показался вертолет, который быстро шел на снижение. На заводских территориях имелась вертолетная площадка, так как местное начальство тоже любило перемещаться по воздуху – в этом был особый шик.

Пикетчики, сообразив, что никаких лимузинов с гостями, которые можно закидать тухлыми яйцами и баллончиками с краской, не будет, попытались рвануть к тому месту, где вертолет спускался вниз. Но у них не хватило времени, и летательный аппарат приземлился раньше, чем митингующие добрались до другого края забора, оцепившего по периметру всю фабрику.

Лена, облаченная в белый деловой костюм, внимательно следила за тем, как лопасти вертолета замирают. Вот кто-то

подбежал к люку, тот открылся изнутри, появилась складная лестница...

Из окон некоторых цехов и лабораторий выглядывали любопытные сотрудники, несмотря на то что им было категорически запрещено делать это. Монастырская не совсем понимала, к чему подобные драконовские меры. Ведь это всего лишь визит человека, на которого работают шесть тысяч сотрудников фабрики, так почему простой люд не имеет права хотя бы бросить взгляд на Эдуарда и его мамочку?

Мгновенно расстелили красную ковровую дорожку, начальство приготовилось к встрече: генеральный директор, его замы, начальники отделов, в том числе и Дмитрий Львович. Лена отметила, что она была единственной женщиной среди собравшихся.

Первой на лестничку ступила Грегуара, Лена сразу узнала ее. Накануне поздно ночью она долго копалась в Интернете и раздобыла отличные фото супруги Магнуса Хаммерштейна. Пятьдесят семь лет, родилась в Бельгии, в аристократической семье, близкой к королевскому двору. Познакомилась с Магнусом Хаммерштейном во время зимних Олимпийских игр в Австрии, где Грегуара Деладьё выступала за сборную Бельгии в составе лыжной сборной. Кстати, в тот год она получила бронзовую медаль. Затем последовал быстротечный роман, и Магнус, в то время еще только миллионер, заложивший свой собственный косметический концерн, пять месяцев спустя сочетался браком с Грегуарой в Антверпене.

И вот она, госпожа Хаммерштейн. Несмотря на июнь, погода была все еще по-весеннему прохладной. Грегуара появилась в темном коротком платье, к отвороту которого была приколата большая сверкающая брошь-букет – бриллианты, рубины, сапфиры и изумруды стоимостью в несколько сот тысяч долларов. Поверх платья на ней была короткая меховая пелерина. Грегуара выглядела на редкость молодо: платиновая блондинка с точеной фигурой и грацией потомственной аристократки.

Она подала руку, затянутую в перчатку, генеральному директору, который лично встречал гостью. Он помог Грегуаре спуститься на ковровую дорожку. Она милостиво улыбнулась, и Лена испытала к ней симпатию. Хотя что-то в этой женщине настораживало. Скорее всего, взгляд ее глаз. Надменный и разочарованный. Но, может быть, все дело в долгом перелете?

За мамочкой последовал и молодой Эдуард. Он сбежал по лестнице на одном дыхании. Молодой человек тридцати одного года, единственный сын и наследник старого Магнуса. Появился на свет в Вашингтоне, округ Колумбия. Светлые волосы, которые он небрежно отбрасывает со лба. Ну прямо как я, подумала Лена и в который раз сдула прядку, упавшую ей на глаза. Одет в костюм и темную водолазку. Обменялся энергичным рукопожатием с генеральным директором и с подоспевшими замами. Произнес несколько фраз...

Эдуард пленил Лену своим шармом и белозубой улыбкой.

Он излучал уверенность и спокойствие. Она поймала себя на мысли, что наследник Хаммерштейна очень даже ничего...

Но о чем это она думает?! Лена в составе прочих встречающих поспешила к Грегуаре и Эдуарду. Каждого из сотрудников представлял сам генеральный директор. Он неплохо говорил по-английски, правда, с неисправимым русским прононсом.

– А это, господин Хаммерштейн, одна из наиболее перспективных сотрудниц отдела рекламы – госпожа Елена...

Генеральный на секунду замялся. Он явно запомнил ее фамилию. Еще бы, Лена встречалась с ним всего несколько раз за прошедший год, да и то будучи в составе большой делегации во время представления разных проектов.

На выручку ему подоспел Дмитрий Львович. На великолепном английском он ненавязчиво подсказал:

– Елена Монастырская...

– Да, да, госпожа Елена Монастырская, – вздохнул с явным облегчением генеральный. – Господин Талызин, – обратился он к Дмитрию Львовичу, – значит, это именно она разработала новую рекламную кампанию для линии «Фаберже»?

– Совершенно верно, – рокотал Дмитрий Львович. – У госпожи Монастырской – великолепный ум, она предложила ряд новаций, которые наверняка будут иметь успех на рынке...

Лена от волнения не слышала всех комплиментов, кото-

рые сказал в ее адрес Дмитрий Львович. Первой ей протянула руку Грегуара. Пальцы ее были унизаны драгоценными перстнями, причем все они были явно старинными и сделанными лучшими ювелирами.

Грегуара улыбнулась, но в узких темных глазах ее сквозило безразличие. Затем Лена встретилась глазами с Эдуардом. Его взгляд в отличие от взгляда матери был открытым и чистым. Он неподдельно интересовался всем происходящим и слушал объяснения генерального директора и его подчиненных.

– Я очень рад, – произнес Эдуард.

– Госпожа Монастырская посвятит нас завтра во все подробности предстоящей рекламной кампании, – заверил Эдуарда Дмитрий Львович. – Она – квалифицированный специалист в области рекламы...

Рукопожатие Эдуарда было твердым, рука – приятно теплой. Лене не хотелось выпускать его пальцы из ладони, однако прошла секунда, показавшаяся ей целой вечностью, и Эдуард подал руку следующему представителю встречающей стороны.

Генеральный директор осторожно намекнул Эдуарду, что их ждет роскошный стол, накрытый в директорской столовой. Туда имели доступ не все сотрудники, а только менеджеры высшего звена.

– Благодарю, однако мы повременим с этим, – сказал Эдуард. – Для меня важнее начать осмотр филиала прямо сей-

час. Хотя мама... Если госпожа Грегуара желает, то она может не сопровождать нас.

– О нет, я не рискну оставить тебя одного, – произнесла Грегуара. – В особенности в компании такой прелестной дамы. – И она кивнула головой в сторону Лены. Та залилась краской смущения, а генеральный и его свита благодушно рассмеялись шутке жены хозяина концерна.

Лену вытолкнули вперед, она вспомнила, что в ее обязанности входит сопровождать экскурсию. Однако она ошибалась, думая, что останется с Эдуардом тет-а-тет. Ей даже не пришлось ничего говорить самой, инициативу перенял генеральный директор. Он повел сына хозяина в первый цех, где круглые сутки шел процесс по изготовлению таинственных компонентов для тысяч наименований продукции концерна «Хаммерштейн». Вскоре английский генерального директора иссяк, поэтому, повернувшись к Лене, которая шла вслед за ним и Эдуардом, он сказал:

– Прошу вас, переводите.

Он продолжал рассыпать свои знания на русском, а Лене пришлось собраться и переводить все это на английский. Как хорошо, что она принимала участие в месячном семинаре, на котором в том числе отрабатывалась лексика косметического концерна на английском и французском. Когда Лена не могла выразить то или иное понятие по-английски, она прибегала к французскому, и Эдуард, для матери которого французский был родным, кивал головой в знак того, что он

понимает.

Несмотря на то, что экскурсия длилась всего около часа, она показалась Лене вечностью. С одной стороны, конечно, почетно и приятно сопровождать такого гостя, как Эдуард Хаммерштейн, но если бы еще не требовалось переводить!

Зато Лена увидела лица сотрудников своего отдела, когда по предложению Хаммерштейна-младшего они отправились из цехов в офисы. Тамара Павловна улыбалась, словно гордясь Леной, зато Регина метала грозные взгляды и кусала губы.

– Благодарю вас, – произнес наконец генеральный директор. Затем он обратился к Эдуарду: – И все же, мистер Хаммерштейн, боюсь вам надоесть, однако нас ждет великолепный ужин, повара специально потрудились к вашему приезду...

– Я доволен, – ответил Эдуард. – Честно, я не ожидал, что все будет на таком высоком уровне. Думаю, вы правы, пора утолить голод.

– Молодец, – сказал Лене один из заместителей генерального, когда Эдуард, заслоненный плотными спинами начальников, отправился ужинать. – Хорошо говоришь, молодец! На сегодня можешь быть свободна, но завтра придется опять уделить внимание гостю и представить свой проект...

Лена перевела дух. С нее достаточно! Эдуард, конечно, красавец и наследник миллиардов, но это вовсе не означает, что она должна сходить из-за него с ума. У нее и так в связи

с введением новой линии продукции дел невпроворот. И что ей до желания шефов пустить сынку иностранного хозяина пыль в глаза. Дескать, смотрите, какие у нас сотрудники, у вас за границей таких нет.

Едва она подошла к лифту, чтобы спуститься на свой этаж, как до ее слуха донесся голос Эдуарда. Лена обернулась. Свита почтительно расступилась, Эдуард словно кого-то искал. Заметив Монастырскую, он просиял и, бросив заводское начальство, подошел к ней.

– Мисс Монастырская? Почему же вы бросаете меня? Только не говорите, что вы не голодны. Прошу вас, отужинайте с нами...

Лена посмотрела на генерального. Тот кивнул, она произнесла:

– Мистер Хаммерштейн, я польщена...

– К чему эти церемонии, – ответил Эдуард. – Вы замечательно потрудились, поэтому вполне логично, что вы должны подкрепиться. Не так ли, господин генеральный директор?

Начальство хотело остаться с Эдуардом наедине, чтобы никто не мешал их переговорам, не слышал их шуток. Но делать нечего, если Хаммерштейн-младший желает...

Чувствуя, что голова гудит, а спина болит, Лена отправилась вместе со всеми в директорскую столовую. Главное – улыбаться, твердила она самой себе. Иначе что подумает Эдуард? Впрочем, какое ей дело до того, что подумает этот

заморский гость. Он послезавтра улетит, и, возможно, она больше никогда его не увидит.

За столом она оказалась по левую руку от Эдуарда, по правую сидел генеральный директор. Эдуард несколько раз обращался к ней, однако Лена ощущала чудовищную усталость. Как же ей хочется очутиться далеко отсюда, в мягкой постели, около бормочущего телевизора.

Наконец, все завершилось. Эдуарда с матушкой, которая не ела ничего, кроме салата и свежих соков, разместили в доме для гостей, что располагался в «генеральном поселке». Назвали это поселение так из-за того, что там обитали только птицы высокого полета, охранялась эта территория с автоматами и собаками, а о коттеджах и их обстановке ходили разнообразные слухи. Еще больше слухов ходило о «домике для гостей» – небольшом дворце, который был специально выстроен на тот случай, если пожалует сам господин Хаммерштейн или кто-то из его доверенных лиц. На строительство не жалели денег, но и результат был впечатляющим.

Лену довели до ее коттеджа. Вот она и дома, но вместо желанного покоя – работа. Завтра ей предстоит представить Эдуарду и прибывшим с ним менеджерам новую рекламную кампанию. И все это на английском. Но она справится!

Раздался звонок в дверь, появился Михаил. Он поцеловал Лену и произнес:

– Все только о том и говорят, что ты полдня провела с Хаммерштейном. И что он от тебя без ума!

Лена уловила нотки ревности. Она догадывалась, кто именно распустил подобный слух. Наверняка не обошлось без Регины Станкевич. Та ведь никогда не простит Лене того, что именно ее начальство выбрало для общения с сыном хозяина предприятия.

– Миша, – взмолилась Лена, – ты должен мне помочь! У меня завтра такой ответственный день, выступление... Прошу тебя, останься.

Михаил усмехнулся и заметил:

– В любой другой день я счел бы это предложение лестным, но сегодня не могу, Ленчик. Ты же знаешь, ко мне приехали родственники, так что одних я их не оставляю.

Вздыхнув, Лена отправилась в душ. Затем, завернувшись в халат, присела около компьютера. Голова уже не так гудит. Что ж, до утра ей надо все отрепетировать, чтобы завтрашняя презентация прошла как можно лучше.

Около часа ночи Лену от работы оторвал телефонный звонок. Тамара Павловна, которая предпочитала трудиться в темное время суток, прогудела:

– Как дела? Я же знаю, ты все равно не дрыхнешь, а готовишься к выступлению. Не бойся, все будет в порядке! А что, правда, Эдуард сам попросил тебя поужинать вместе с ним? Расскажи, расскажи, потешь старуху!

Тамара Павловна наверняка и звонила, чтобы узнать последние сплетни и сопоставить их с реальными событиями. Отделавшись от Воеводиной, Лена снова устала в ком-

пьютер. Итак, презентация начнется с того, что...

– Таким образом, дамы и господа, в итоге мы будем иметь на рынке новую серию продуктов концерна «Хаммерштейн». Этими словами Лена завершила свое выступление. Неужели все прошло гладко? Она не верила в это. Бессонная ночь принесла ей вдохновение. Впрочем, выглядела Елена на редкость бодро, светлый костюм удивительно ей шел, а в глазах сверкала отвага. Главное – не бояться, внушала она самой себе.

В животе у нее заурчало, и Лена испуганно подумала, что присутствующие услышали этот звук. Еще бы, она выпила две чашки кофе натошак, и было это в шесть утра. А теперь – половина двенадцатого.

Опасения оказались напрасны. Последние ее слова потонули в аплодисментах, и Лена вдруг поняла, что они предназначаются именно ей. Презентация рекламного проекта проходила в большом помещении, созданном специально для подобных целей. Лене было уготовано место в самом центре, около доски, на которой сменялись цветные слайды, а те, кто собрался послушать ее, разместились на рядах, уходящих амфитеатром ввысь.

Кажется, ее английский был не самым плохим. Все же вчера ее слушал в основном только Эдуард и несколько менеджеров, а теперь – не меньше пяти десятков человек. Лена заметила Тамару Павловну, одетую в желтый пиджак с ма-

линовыми разводами. Воеводина аплодировала громче всех и даже подняла вверх большой палец.

Прямо как на арене в Колизее: или разорвут свирепые хищники, или цезарь подарит жизнь, мелькнула у Лены мысль. В качестве августейших особ выступали Эдуард и его мать Грегуара.

Мадам Хаммерштейн, которая облачилась во что-то воздушно-сиреневое и сверкала драгоценностями, милостиво улыбнулась Лене, и ее ладони, затянутые в перчатки, несколько раз ударились друг о друга.

Эдуард, на этот раз в темном костюме, светлой рубашке с галстуком, с одобрением посмотрел на Лену. Надо же, ее выступление и на него произвело впечатление!

Аплодисменты смолкли, инициативу перехватил генеральный директор. Затем несколько слов сказал Эдуард.

– Мне очень приятно, что в нашем русском филиале работают такие толковые головы. Это позволяет надеяться на то, что в ближайшие годы концерн «Хаммерштейн» сможет подняться на ступеньку выше в мировой иерархии...

– У тебя блестел нос, – сказала ей Регина, которая, вся в черном, подошла к Лене среди прочих.

Лена в ответ только улыбнулась. Что поделаешь, ей придется работать с Региной еще долго. Как специалист та великолепна, а вот как человек...

– Леночка, ты всех пленила, – сказал Михаил, беря ее за руку. – Дмитрий Львович правильно поступил, что предло-

жил именно тебя. Как я тобой горжусь!

Однако у славы оказалась и другая сторона – она очень быстро улетучивается. На этот раз Лену не пригласили на банкет, и Эдуард не обернулся, чтобы позвать ее. Как она могла вообразить, что этот лохотронный плейбой, который, если верить журналам и бульварным газетам, развлекается с самыми именитыми топ-моделями на своей яхте в океане, обратит на нее внимание? Это все пустое...

Поэтому Лена очень удивилась, когда Дмитрий Львович сказал ей, что Эдуард желает видеть ее на закрытой вечеринке по поводу его отъезда.

– Будет шанс заграбастать мужика, – сказала Тамара Павловна. – У меня имелись три официальных мужа и столько же неофициальных, и я знаю, что говорю, Ленуся! Он на тебя запал. Так что не теряйся!

– Вот еще! – фыркнула Регина, которая стала свидетельницей этой беседы. Она всегда умудрялась быть в курсе практически любого разговора. Она положила на стол перед Леной газету.

– Ты не нужна ему, Леночка, а если что-то и вообразила на его счет, то мне тебя жаль, – сказала с победоносной улыбкой Станкевич. – Эдуард тайно обручился и скоро наверняка женится.

Лена бросила взгляд на газету, заголовок в которой кричал, что один из самых богатых и завидных холостяков Эдуард Хаммерштейн наконец-то тайно сделал выбор и даже по-

дарил своей избраннице кольцо с жемчужиной.

Впрочем, Лена Монастырская никогда всерьез не думала, что Эдуард может обратить на нее внимание. Кто она – и кто он? И, кроме того, у нее есть Михаил. А принц, как ему и положено, удалится в сказку уже через сутки.

Ночью накануне отъезда Эдуарда Хаммерштейна Лена просыпалась несколько раз. Ей снилось, что она танцует с Михаилом, потом они начинают целоваться, и в тот момент, когда губы их соприкасаются, она обнаруживает, что целуется с Эдуардом.

Причем сон возобновлялся снова, едва она засыпала, как будто кто-то включал видеомэгнитофон. Проснувшись Лена совершенно разбитой. И что это значит, она влюбилась в Эдуарда? Да нет, не может быть! Пусть он быстрее уедет прочь, и все забудется.

На вечеринке кроме местного начальства присутствовали губернатор области, несколько московских политиков. Грегуара была ослепительна в красном одеянии, а рубины, которые обвивали ее алебастровую шею, сверкали и переливались.

Мужская часть публики была в смокингах. Лена же нарядилась в свое единственное вечернее платье. Когда Лена ехала в Новгородскую область, она и представить себе не могла, что ей оно понадобится.

Среди гостей Монастырская заметила Регину. Что она делает здесь? Загадка быстро прояснилась, когда Регина пря-

мо-таки надела на Эдуарда, не давая ему прохода. Тот мило улыбался и с тревогой посматривал на мать, явно ожидая от нее поддержки. Грегуара подросла к сыну на помощь и, отеснив его, завладела вниманием Станкевич. Та хотела последовать за Хаммерштейном, но Грегуара, журча как ручей, не давала ей возможности удалиться.

Эдуард, оказавшись на свободе, подошел к Лене.

– Скажу честно, ваша кухня слишком назойлива, – произнес он.

– Моя кухня? – изумилась Лена. – Но о чем вы?

Настала очередь Эдуарда выказать недоумение:

– Дама в черном начала с того, что она ваша кухня и что вы очень похожи не только внешне, но и по характеру. Значит, она не ваша родственница? Что ж, вам очень повезло!

Регина метала на них злобные взгляды. Грегуара явно наслаждалась происходящим, еще бы, ведь Регина не посмеет оскорбить важную гостью и, бросив ее, присоединиться к Эдуарду. А ведь Регине только этого и хочется.

Наконец, воспользовавшись тем, что к Грегуаре подошел кто-то из политиков, Станкевич весьма поспешно, едва не сбив с ног официанта с подносом, двинулась в сторону Лены и Эдуарда. Она сразу заявила:

– Мистер Хаммерштейн, прошу прощения, что нас прервали, но это ваша матушка... Так на чем мы остановились?

Эдуард посмотрел на Лену так, словно у него внезапно заболел зуб, улыбнулся и произнес:

– Кажется, на родственниках отношения между вами и мисс Монастырской, не могли бы вы их прояснить для нас?

Регина растерялась, схватила с подноса бокал с шампанским, отпила глоток и уже раскрыла рот, чтобы произнести очередную ложь, как вдруг раздался истошный крик:

– Отпустите меня! Я сказал, немедленно отпустите, а не то буду стрелять!

Музыканты, квинтет которых до этого играл что-то классически-меланхолическое, стихли, пискнула скрипка, и взвыл контрабас. Лена повернула голову, чтобы узнать, в чем дело. Эдуард нахмурил брови, за его спиной сразу возникло двое дюжих телохранителей. Грегуара в испуге протянула руку к шее, украшенной бесценным рубиновым ошейником. Регина, пылающая злобой оттого, что и на этот раз помешали ее общению с Эдуардом, развернулась на сто восемьдесят градусов.

Публика недоумевала. Среди празднично одетых мужчин и их прелестных спутниц вдруг возник странный субъект. Он тоже был облачен в смокинг, на шее болтался галстук-бабочка, однако этот человек никак не мог сойти за почетного гостя. Он отбивался от охранников, которые пытались выволочь его из зала.

Лене показалось, что лицо этого человека с противным визгливым голосом ей смутно знакомо. Где же она его уже видела?

– Никому не двигаться! – закричал по-русски, а потом по-

английски мужчина. Его шарообразное лицо исказила судорога, в глазах, спрятанных за маленькими очечками, сквозили безумие и одержимость. Серые волосы, слишком длинные и неухоженные, сбились в колтун.

Субъект зажал правую руку за лацканом смокинга, который был ему слишком мал: он явно взял его напрокат, лишь бы проникнуть на вечеринку.

Всеобщая растерянность быстро сменилась смятением и паникой. Лена и сама ощутила, что у нее начало усиленно биться сердце. Она вдруг вспомнила, где видела этого господина, который теперь, брызжа слюной, приковал всеобщее внимание. Именно его уволили не так давно с большим скандалом за то, что он, руководитель одной из лабораторий, являлся с конкурентами и даже продавал им секреты «Хаммерштейна». Доктор наук, профессор, специалист с отличной репутацией и большим окладом – и вдруг такое. Как же его зовут, на него даже завели уголовное дело...

– Федор Викентьевич! – сказал освоившийся с обстановкой генеральный директор. Лена вспомнила: так и есть, Ф.В. Тимчук, про него даже показывали сюжет по местному телевидению.

– К чему эта мелодрама, зачем ты портишь нам праздник? Ну, давай, вынимай свое оружие, отдай его охране. И мы тебя отпустим, обо всем забудем...

Лена видела, как к Тимчуку с тыла подбираются двое охранников. Однако мятежный химик, явно чуя подвох,

вдруг развернулся и, заметив вросших в пол ребят, заорал, срываясь на фальцет:

– Стоять, я кому говорю! У меня оружие!

Он выдернул руку из-под смокинга, и все увидели зажатую в его ладони гранату – небольшую, темно-зеленую, ребристую. Лена посмотрела на Эдуарда. Хаммерштейн держался на редкость спокойно, только его взгляд стал жестче. Регина же ахнула и выпустила из рук бокал. Тот упал на мраморный пол, и звон разнесся по всему залу, как выстрел.

Тимчук дернулся, как укушенный, и его длинный палец выдернул чеку. Алюминиевое колечко отлетело в сторону и приземлилось около Грегуары Хаммерштейн. Супруга миллиардера, как изваяние, застыла с рукой у горла.

– Федор Викентьевич, – медленно сказал генеральный директор. – Держи гранату крепко. Прошу тебя! Ребята тебе объяснят, что с ней делать, чтобы она не рванула...

Химик рассмеялся, и от его пронзительного смеха по телу Лены побежали ледяные мурашки.

– Я сам знаю, что с ней делать, – сказал Тимчук. – И если на меня нападут или выстрелят, то вам всем конец! Взрыв разнесет вас в клочья, а тех, кто не умрет сразу, придавят плиты рухнувшего потолка. Это понятно?

Реальная опасность была понятна всем. Федор Викентьевич, чувствуя, что теперь его готовы слушать, расправил плечи и выставил вперед заросший седой щетиной подбородок.

– Ну что, господин генеральный директор, – сказал он по-

чему-то на английском. – Ты меня уволил. Конечно, у вас в концерне не могут трудиться воры и предатели. Да, признаю, я работал на ваших конкурентов, но те предложили мне за одну-единственную формулу целых пятьдесят тысяч долларов. Так почему я должен был отказаться?

Лене стало дурно. Эдуард, видя это, обхватил ее рукой за талию. Лена прислонилась к нему. Регина, заметив это, открыла рот, чтобы произнести что-то едкое, но раздумала и перевела взгляд на Тимчука.

Тот вздернул вверх руку с гранатой. Химик выглядел триумфатором.

– Вот это – расплата за все, что вы сделали со мной! Вы разрушили мою карьеру, растоптали меня, сделали из меня преступника, – вещал он на скверном, но вполне понятном английском. – Господин Хаммерштейн, какая честь, – обратился он к Эдуарду. – Я ждал вашего приезда. Вас и вашей матушки.

Федор Викентьевич подошел к Грегуаре, остановился около нее. Та смерила его ледяным и полным презрения взглядом. Террорист спросил:

– На сколько застрахована ваша жизнь, мадам? А на сколько – чудесное кольцо, которое украшает вашу шею? Уверю вас, после того, как все закончится, кольцо вам уже не понадобится!

– Чего вы хотите? – прервал тираду сумасшедшего Эдуард. Его голос звучал тихо, однако в нем не чувствовалось ни

нотки паники. – Денег? Вы получите сколь угодно много, если выпустите всех присутствующих из зала. Хотите прекращения судебного преследования? Я немедленно отдам приказ снять все обвинения против вас.

– Теперь уже слишком поздно! – закричал Тимчук. – И не делай вид, Эдуард, что ты не боишься! Я же вижу, что ты трясешься, чертов папенькин сынок! Прежде чем я взорву всех вас и себя вместе с вами, я расскажу о том, что творится на самом деле в секретных лабораториях «Хаммерштейна». Тебе, Эдуард, не все известно, это твой папаша занимается под прикрытием производства косметики страшными делами. Или ты тоже в курсе, сын старого дьявола?

– Федор Викентьевич, – рявкнул генеральный директор. – Ты свихнулся, окончательно и бесповоротно! Лучше сдайся, пока не наделал глупостей, которые нельзя исправить. О каких секретных лабораториях ты говоришь, у нас побывали сотни инспекций, у нас весь производственный процесс прозрачный, что ты мелешь, мы работаем по нормам, принятым в Европейском союзе!

Тимчук запрокинул голову, затряс рукой и взвыл:

– Заговариваешь зубы, идиот! Ты же обо всем знаешь, ты по-другому пел, когда я трудился в этих самых секретных лабораториях. Я работал на монстров, поэтому нет вам пощады, сейчас всех вас одним взрывом накроет, я...

Распалившись, Тимчук слишком энергично дернул рукой, в которой была зажата граната, на какой-то момент потерял

самоконтроль, и снаряд вылетел у него из ладони. Лена, как зачарованная, следила за тем, как он описывает дугу в воздухе, падает на мраморный пол около губернатора, катится, ударяется о ногу одной из дам, та в ужасе пятится...

Внимание всех было приковано к гранате. Сколько секунд осталось до взрыва: три, две, одна или уже ни одной? Неужели смерть придет так быстро и нелепо!

Но взрыва, которого все так опасались, не последовало. Прошли томительные секунды, Лена широко раскрытыми глазами смотрела на гранату, лежавшую на полу. Но она не взорвалась.

К гранате метнулся один из телохранителей, схватил ее и метнул сквозь тонированное стекло куда-то вниз. Тимчук захохотал, оседая на пол. Его хохот перешел в кашель и хрипы.

– Как же я вас напугал, вы все тряслись за свои шкуры, вы, стадо баранов и павианов! Это болванка, которая не взрывается! Стал бы я ради вас своей жизнью рисковать, вы, монстры...

Но договорить Федор Викентьевич не успел. На него навалились охранники, химик замолк, затем заплакал от боли, когда ему завернули руки за спину.

– Господин и госпожа Хаммерштейн, – ринулся к Эдуарду и Грегуаре генеральный директор. – Приношу свои извинения за этот ужасный инцидент. Тимчук, наш бывший сотрудник, просто умалишенный, этим и объясняется его чудовищный поступок...

Заиграла музыка, вечер возобновился, как будто не было истерики Тимчука и гранаты, упавшей на пол. Лена взглянула на разбитое окно, сквозь которое проникали лучи заходящего июньского солнца. Нет же, все это было.

– Господин директор, на вверенном вам предприятии есть страшные пробелы в системе охраны, – сказал ледяным тоном Эдуард. – Я веду речь не о своей персоне, под угрозой оказались жизни еще трех десятков человек! И ваша охрана спасовала! А если бы граната оказалась не фальшивой, а настоящей? Тогда бы зал был полон мертвецов.

– Мистер Хаммерштейн! – едва не заплакал генеральный, обычно надменный и ироничный. – Это все Тимчук, будь он неладен, мы все исправим, с завтрашнего дня усилим меры предосторожности... У него, видимо, осталось удостоверение, и он смог пройти на территорию завода...

– Это ваши проблемы, господин директор, – произнес Эдуард. Он уже давно отпустил Лену. Взяв под руку пришедшую в себя Грегуару, он сказал: – Я смею надеяться, что подобные инциденты не повторятся в будущем, и эта выходка сумасшедшего одиночки останется единственной. Благодарю за прием. Мы вылетаем немедленно!

Эдуард повернулся к Лене, произнес:

– Был очень рад.

Затем он, поддерживая Грегуару, направился к выходу. Лена заметила, как охранники избивают Тимчука. Тот из всемогущего террориста превратился в старика с залитым

кровью лицом, закрывающего седую голову от кулаков накачаных телохранителей.

Генеральный, отдав краткое распоряжение: «Эту мразь сдать в милицию, но сначала проучить, чтобы неповадно было», – кинулся вслед за Эдуардом.

Вертолет с Хаммерштейнами стартовал через семь минут. Эдуард не удостоил словом никого из шефов завода, он с матерью просто поднялся в брюхо вертолета, и тот взмыл ввысь. На этом и закончился визит в Россию будущего наследника миллиардов Хаммерштейна.

Регина, часто дыша, стонала и, схватившись за Лену, шептала:

– Леночка, у меня сейчас остановится сердце. Как я испугалась, как испугалась... Помоги, прошу тебя. Забудь, что я тебе говорила, не оставляй меня одну! Мне страшно!

Лена проводила Регину до дома. Та, оказавшись на пороге коттеджа, окончательно пришла в себя и уже обычным саркастическим тоном заметила:

– Ну и как тебе объятия Эдуарда? Ты наверняка благодарна этому придурку со школьной гранатой. Ты ведь многое отдала бы, чтобы Эдуард снова к тебе прикоснулся?

– А ты? – спросила Лена, и Регина, сочтя, что отвечать ниже ее достоинства, хлопнула дверью.

Лене нужно было пройти две улицы до своего дома. На крыльце ее ждал встревоженный Михаил.

– Что такое, по всему поселку говорят, что на вас напали

маньяки и чуть всех не перестреляли, – сказал он, целуя Лену в щеку.

И только прижавшись к плечу Михаила, Лена дала волю слезам. Он напоил ее горячим чаем, посидел с ней.

– Остаться не могу, – сказал он. – Куча дел, Леночка, но мы встретимся завтра. И какой шок, надо же такому произойти! Надеюсь, этому шиззику дадут на полную катушку или упрячут в психушку до конца дней!

Свернувшись на кровати калачиком, Лена никак не могла заснуть. О чем она больше думала – о страшном происшествии с гранатой или о том, что Эдуард обнимал ее за талию?.. У него такая крепкая рука. И такая горячая...

Заснула она под утро, а пришла в себя от настойчивого звонка телефона. Тамара Павловна была тут как тут.

– Привет тебе, о Мата Хари, – сказала Воеводина, как всегда, громовым голосом в трубку. – Наслышаны о том, что Тимчук хотел из вас сделать голубцы. И что Эдик тебя тискал. Ах, да я бы в логово к Чикатило отправилась, если бы меня Эдик за это к себе прижал. Ладно, не трепыхайся, моя Кармен. Дмитрий Львович сказал, что ты и Регинка имеете полное право сегодня и завтра не выходить на работу, чтобы оправиться от шока. Я тебя сегодня навещу, торт припру. И ты мне расскажешь все в подробностях. Про Тимчука и особенно про то, как тебя Эдик лапал. Отбой, Ленусик, иерихонская труба зовет!

Лена была рада, что сможет побездельничать целых два

дня. Такого давно не было. Отпуск она еще не брала, и, когда отправится отдыхать, точно неизвестно. Хорошо бы летом, когда тепло и можно полежать у моря...

Она заварила себе чай, вытащила из почтового ящика свежую газету. Хотя корреспонденты не успели напечатать про буйства уволенного химика, когда все произошло, газета уже была подписана в тираж, а вот радио и телевидение...

В выпуске новостей мелькнуло сообщение о том, что накануне вечером умалишенный проник на территорию завода «Хаммерштейн» и учинил там беспорядки, после чего был задержан и препровожден в КПЗ.

Лена сделала тост. И почему Тимчук решился на такое? Хотел отомстить за собственный крах, наказать других за свои же ошибки? Ведь и до инцидента с гранатой у него не было будущего. Кому нужен пожилой ученый, который продавал секреты концерна конкурентам? А так он – герой десяти секунд на местном радио. Начальство постаралось, чтобы о реальных фактах не стало известно широкой публике, это может нанести урон бизнесу Хаммерштейнов.

– И самое последнее сообщение о происшествии на заводе «Хаммерштейн», – сказала диктор. – Как только что стало известно, виновник дебоша, бывший работник одной из лабораторий Федор Тимчук, найден сегодня в камере предварительного заключения повесившимся. Он покончил с собой, как заявил пресс-секретарь УВД области, таков финал человека с расшатанной психикой, который вообразил себя

бен Ладеном. Конец цитаты...

КИРИЛЛ

Время действия: 30 мая – 7 июня

Место действия: Великое княжество Бертранское (Лазурное побережье)

Закон Мэрфи гласит: когда ты на все сто процентов уверен, что хуже уже быть не может, обязательно происходит нечто, что заставляет тебя усомниться в верности такого подхода. Хуже может быть всегда!

В правоте этой жизненной мудрости я убеждался много раз, и события в Бертрране не были исключением из правила. Неужели я, старый и потрепанный всеми возможными напастями алкоголик, закатывающаяся «звезда», еще недавно мог вообразить себе, что решусь на самоубийство? И что осуществить это намерение помешает мне зверское преступление, свидетелем которого я стану?

Если бы я не отправился топиться в Средиземном море, то не увидел бы, как трое мужчин перетаскивают на катер, который, я уверен, потом направился к яхте, стоявшей на рейде, тело маленькой Терезы Ровиго – живой или мертвой...

Еще одна сентенция гласит, что в жизни все течет и все меняется, поэтому если я некоторое время назад помышлял о том, чтобы отправиться на прокорм рыбам, то теперь, полный сил, энергии и непонятной злости, я жаждал одного: чтобы этот толстяк-инспектор поскорее покончил со своими

идиотскими расспросами и принялся за поиски похищенной малышки.

В ту ночь я вернулся в отель, зажав в руке детскую туфельку. Один из администраторов, видимо, удивился, заметив мой траченный молью вид и безумные глаза, и вежливо сказал, что меня разыскивают представители кинофестиваля. Еще бы, ведь именно тем вечером я должен был получить статуэтку «Крылатого льва». Так сказать, пышное надгробие на мою актерскую карьеру, витиеватую эпитафию на мою личную жизнь.

– Я стал свидетелем преступления, – прошептал я и вдруг ощутил, что не могу говорить. Со мной такое иногда бывает – в минуты большого волнения. Врачи же склонны считать, что эти проявления усугубляются вредной тягой к алкоголю.

– Чем могу быть вам полезен, сэр? – администратор так и лучился желанием угодить мне, старому, но известному и все еще богатому идиоту.

– Преступление! – Мои губы наконец разлепились, а из горла вырвалось слово, которое заставило нервно вздрогнуть нескольких гостей, что сидели в глубоких кожаных креслах в роскошном холле отеля.

Администратор мгновенно оценил обстановку и произнес:

– Мистер Терц, прошу вас, пройдемте со мной, мы окажем вам помощь немедленно. Но, сэр, нашим гостям не обязательно знать о том, что на вас напали...

Я поплелся за этим тридцатилетним молодчиком. Он уверен, что на меня или напали бандиты (такое бывает даже в Бертроне, особенно когда происходит очередное светское мероприятие и по улицам запросто шляются дамы в драгоценных колье и господа с толстыми кошельками), или я стал жертвой сребролюбивых «жриц любви». Скорее всего, он размышлял о том, как бы сделать так, чтобы завтра все газеты не написали бы об одном и том же: Кирилл Терц вместо того, чтобы получать награду из рук Клода-Ноэля Бертранского за выдающиеся достижения в искусстве, напился вдрызг и был ограблен проститутками.

Мы попали в небольшую, но уютную комнату. Администратор сдал меня на руки своему боссу, главному менеджеру отеля. Щеголеватый бородач, в любое время суток с орхидеей в петлице, вышел мне навстречу, угодливо спросил:

– Мистер Терц, мы имеем честь оказать вам помощь. Уверяю, сэр, вы – наш самый почетный гость, поэтому никто и никогда не узнает, что с вами произошло.

Он слегка кивнул напыщенной головой, и администратор исчез, прикрыв за собой дверь.

– Но именно этого я и хочу! – прохрипел я. – Мне надо, чтобы все узнали о том, что со мной произошло. Причем как можно скорее!

Менеджер отеля наверняка заработал бы миллионы, если бы изложил на бумаге все истории, свидетелем или участником которых ему довелось стать за время своей работы в са-

мом шикарном отеле Бертрана. Он умел моментально оценить обстановку и принять самое правильное решение.

– Сэр, разрешите предложить вам...

Он явно хотел угостить меня чем-то горячительным – на тумбочке стояло несколько бутылок с коньяком, виски и прочими напитками, однако вовремя вспомнил о моем припадке.

– Кофе, только кофе, – сказал я и плюхнулся на диван без приглашения. Было не до церемоний. Менеджер отдал приказания по внутреннему телефону и снова повернулся ко мне.

– Смотрите. – Я положил перед ним ту самую детскую туфельку, которую выудил из моря. – Я видел, как трое мужчин похитили ребенка и вывезли его в море на катере. Этот башмачок – явно с ноги девочки, которая стала их жертвой.

На столе возник ароматный кофе по-арабски. Сделав глоток, я вдруг понял, каким был дураком и напыщенным самодовольным ослом, когда пошел на окраину Бертрана, дабы избавить все остальное человечество от своего отягощающего присутствия.

– Вы уверены? – спросил менеджер, причем я сразу понял, что он мне верит. Еще бы, несколько лет назад в этом отеле произошло настоящее убийство, которое долго обсуждали в «желтой прессе»: известный писатель застрелил свою жену. Наверняка полный масштаб трагедии остался публике неизвестным, ведь говорили, что этот некогда чрезвычайно

популярный автор на самом деле... Ну ладно, к чему ворошить прошлое. Я шапочно знал этого парня и всегда в глубине души подозревал, что рано или поздно он воплотит свои кроваво-мистические романы в действительность.

Так что менеджер отеля был готов к самому худшему. Но тогда ни он, ни я не догадывались, в какую именно историю мы вляпались.

– Уверен, – крикнул я. – И не думайте, мистер, что это были галлюцинации старого алкаша. О нет, я разглядел все в деталях. Я даже запомнил название, которое было написано на борту катера. Того самого катера, куда погрузились похитители вместе с девочкой.

– Отлично, – сказал менеджер и вздохнул. Ему явно не хотелось информировать полицию, но другого выхода не оставалось. В конце концов преступление произошло не на вверенной ему территории. – Сэр, если вы позволите, то я сам свяжусь с органами власти.

– Валяйте, – милостиво согласился я и добавил: – И прикажите принести мне еще чашечку кофе. Он у вас, как всегда, великолепен!

Реакция на мои слова не заставила себя ждать. Через пятнадцать минут я беседовал с милым и терпеливым представителем полиции, который первым делом попросил у меня автограф – для жены и тещи. Я рассказал все, что знал.

– Мистер Терц, мы очень вам благодарны, – сказал напоследок полицейский. – Мы забираем эту туфельку. Если

она в самом деле принадлежит девочке, которая стала жертвой похищения, то эта вещица станет краеугольным камнем в расследовании. Советую вам расслабиться, мы сообщим вам, как только узнаем, кто же был похищен. Если вообще можно вести речь о похищении.

– Ну не о прогулке же по морю! – возразил я несколько запальчиво. Я пошел «расслабляться», как того и пожелал мне полицейский. На этот раз никакого алкоголя, я включил телевизор и стал смотреть церемонию вручения «Крылатого льва». Телефон был отключен, и я велел не беспокоить меня, даже если будет звонить сам великий князь. Посмотрим, как они выкрутятся из щекотливой ситуации и обойдутся без меня.

«Крылатого льва» вручили якобы моему представителю, что ж, не дали сорваться шоу. Потом придется давать объяснения, почему я не соизволил появиться на торжественной церемонии, но мне даже не придется врать, чтобы объяснить причину: сначала я хотел утопиться, а потом стал свидетелем похищения ребенка.

Я так и заснул в кресле перед телевизором. Когда открыл глаза, было уже утро, и кто-то тарабанил самым нещадным образом в дверь моего номера. Я, проклиная затекшие руки и онемевшие ноги, согнувшись, направился к двери и распахнул ее.

– Сэр, сожалею, что разбудил вас, – произнес менеджер отеля. – Однако представители полиции желают с вами по-

беседовать, причем как можно быстрее. Кажется, произошло страшное преступление...

– Я был уверен в этом еще вчера вечером, – сказал я. – Передайте господам, что я буду через пятнадцать минут.

Этого времени мне всегда хватало, чтобы прийти в себя после грандиозной попойки или постельной оргии. У меня было несколько секретов, как избавиться практически мгновенно от осоловелого взгляда, мешков под глазами и тяжести в мыслях.

Четверть часа спустя, одетый в светлый костюм, благоухающий одеколоном из последней коллекции Жана-Поля Готье, я предстал перед господами из полиции. Я специально водрузил на нос темные очки, чтобы полностью соответствовать роли великого Кирилла Терца – всегда подтянутого, сексапильного и улыбающегося.

Представителями полиции оказались в основном дамы. Было видно, что я – важный для них свидетель. Применив кое-какие примитивные трюки, я сумел расположить к себе леди, которые сначала держались, как следовательницы из КГБ.

– Мистер Терц, – сказала одна из них, когда я задал вопрос о том, что же все-таки случилось. – Это пока держится в тайне, хотя через день станет наверняка добычей журналистов, но... Но вы оказались правы, более того, похоже, именно вы были единственным свидетелем похищения дочери Денизы Ровиго.

– У Денизы украли дочь! – воскликнул я. Новость поразила меня, как шаровая молния. Денизу, эту очаровательную пустышку, которая, если приложит определенные усилия, скоро станет «суперстар» в Голливуде, я знал по нескольким французским фильмам. Точно, у нее есть дочурка, маленькая копия ее самой...

– Да, ее дочь, трехлетняя Тереза Ровиго, похищена вчера вечером, – сказала полицейская дама. – Это просто ужасно! Госпожа Ровиго сейчас переживает нервный срыв, но бонна девочки, которую похитители усыпили и связали, детально описала нам, во что была одета малышка. Та туфелька, которую вы показали... Она принадлежит Терезе!

– Значит, я действительно видел, как эти нелюди украли ребенка, – сказал я в потрясении. Я никогда не испытывал особо нежных чувств к детям. Своих детей я практически не видел, и они давно уже перестали быть таковыми в узком понимании слова. Дети кричат, пищат, требуют времени, денег и не дают как следует развлечься. Однако в последнее время я вдруг стал ощущать потребность взглянуть на своих внуков, по причине же напряженных отношений с моими дочерьми и сыном это вряд ли произойдет.

– Да, мистер Терц, – подтвердила полицейская. – Поэтому вы становитесь ключевым свидетелем. Мы понимаем, сэр, что вы – звезда мировой величины, однако вынуждены просить вас в ближайшие дни не покидать Бертран. С вами побеседует наше начальство, инспектор Нуазье.

– К вашим и его услугам, – галантно заверил я дам-полицейских. – И прошу вас: найдите малышку как можно скорее!

Детей, может быть, я не любил, но я ненавидел тех, кто причиняет им зло. А в том, что похитители хотели причинить трехлетней Терезе зло, я не сомневался. Для чего она им? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно знать, кто стоит за похищением. Я уверен: эти трое (а также четвертый, который уехал на пикапе, в котором они прибыли к заброшенным складам) на самом деле только исполнители. Где-то же есть и заказчик преступления. Кто он? Взбесившийся отец девочки, который решил таким радикальным образом отобрать ее у матери? Мафиози, который желает заработать несколько миллионов, похитив дочь кинозвезды? Или...

Я предпочитал не думать о том, кто еще хотел бы заполучить в свою полную власть беззащитного ребенка. О чем сейчас только не говорят и не пишут: каннибалы, растлители малолетних, мерзавцы, промышляющие трансплантацией органов, современные работорговцы, и несть числа этим монстрам.

Так я и оказался лицом к лицу с инспектором криминальной полиции Нуазье, полнощеким усачом, который не отказался от моего предложения выпить чаю, насыпал себе сразу четыре полные ложки сахара и вцепился в блюдо с печеньями. И этот неповоротливый сладкоежка является шефом полиции в крошечном княжестве?

Но уже спустя несколько минут я понял, что Нуазье вообще не такой простачок, каким старается подать себя. Ах, я вспомнил, откуда мне знакомо его имя: именно он вел расследование таинственной гибели в волнах моря кузины Великой княгини Клементины. Но так как Клементина и сама вскоре после этого стала жертвой взрыва, то расследование, насколько я знал, в итоге заглохло.

– Мистер Терц, – плел свою паутину инспектор, опустошая тарелку со сладкими печеньями. – Разрешите задать вам нетактичный вопрос: что вы делали в столь поздний час около заброшенных складских помещений?

– Я... Я... Я...

Что, пустобрех, боишься сказать этому усатому полицейскому правду? Трусишь признаться в истинном намерении, которое привело тебя в то отдаленное место?

– Я прогуливался, – наконец выдавил я. Нуазье как-то слишком быстро отвел взгляд и отхлебнул из чашки. Не поверил! Еще бы, этот кот играет со мной, как с мышью. Нет, с крысой, со старой, больной и угрюмой крысой с облезшим хвостом и седой шерстью. Или он думает, что я каким-то образом причастен к похищению девочки?

– Я, безусловно, не могу и помыслить, мистер Терц, что вы имеете какое бы то ни было отношение к исчезновению Терезы, однако, признаюсь, ваша версия, почему вы очутились в то время в глухом месте, настораживает меня. Вы же должны были находиться среди почетных гостей кинофестиваля,

однако вместо того чтобы принимать награду из рук нашего уважаемого князя, отправились в заброшенные доки...

Нуазье, черт тебя дери, подумал я, тоже мне, Эркюль Пуаро и лейтенант Коломбо в одном флаконе! Припирает меня к стенке, что же делать?..

– Инспектор, – произнес я надменно (вспомнив при этом роль римского императора Диоклетиана, которого мне довелось играть в начале восьмидесятых). – Вы, если мне не изменяет память, пришли в мой номер отеля, дабы узнать все подробности преступления, свидетелем которого я стал. А мы уклоняемся в ненужные темы. Я гулял, повторяю вам. Разве это запрещено? Я намеревался пойти на вручение «Крылатого льва» чуть позже, а сначала хотел насладиться прогулкой. Если бы не похищение, я бы сразу с прогулки отправился во дворец кинофестивалей.

– А как же быть со смокингом, мистер Терц? – Глаза инспектора превратились в щелочки, он доел последнее пирожное. – Вы вчера вечером вернулись в отель в том же, в чем и вышли из него? И вы были не в смокинге, который приличествовал бы для церемонии награждения во дворце, а в обычном костюме, который, как я вижу, до сих пор валяется здесь на полу...

Он указал на костюм, который я задвинул за кресло, перед тем как инспектор пожаловал ко мне в пентхауз. Итак, он ищет несоответствия. Ну и пусть ищет, я же великий Кирилл Терц и не имею ничего общего с похищением Терезы, разве

только стал случайным свидетелем преступления.

– Но оставим это, – прервал сам себя Нуазье. – Приношу свои извинения, я проглотил все ваши чудесные пирожные. Итак, какая именно надпись была выведена на корме катера, в который сели похитители с жертвой?

– «Золотой жук», – сказал я, весьма обрадованный тем, что инспектор не стал проверять дальше мои насквозь лживые объяснения. – Так называется мой любимый рассказ у Эдгара По.

– Ах, вы тоже любите По? – спросил Нуазье. – Как и тот, кому принадлежит яхта, которая носит это название. У нас, оказывается, совпадают вкусы.

– И кто же это? – живо поинтересовался я. Я старался вспомнить, где слышал это название... Но не смог.

Нуазье окинул меня ласковым взглядом (так палач смотрит на человека, перед тем как отсечь ему голову тяжеленным топором) и смилостивился:

– Мистер Терц, вы понимаете, что мы не можем разглашать результаты, в особенности промежуточные, которых достигло следствие. Но вам как единственному и чрезвычайно ценному свидетелю, без которого у нас не было бы ни единой зацепки, я скажу: яхта, зарегистрированная в Ницце под названием «Золотой жук», является собственностью Магнуса Хаммерштейна.

– Ага, Магнус Хаммерштейн, косметический миллиардер, – произнес я вполголоса. Я не знал его лично, но был

когда-то представлен его жене Грегуаре. Точнее, моя жена Дороти, которую якобы похитили марсиане, дружила с Грегуарой.

– Вы правы, – отвечивал инспектор. – Другой яхты с аналогичным названием нет.

– Тогда чего вы ждете? – сказал я. – Обыщите ее, наверняка в катере, который относится к яхте, найдутся неопровержимые следы того, что в нем перевозили малышку Терезу. Я не ошибся, это именно «Золотой жук»...

Инспектор тяжело вздохнул и поставил на полированный столик пустую чашку.

– Мистер Терц, если бы все делалось так просто, как вы говорите... У нас нет достаточных оснований потребовать ордер на обыск яхты столь могущественного и богатого человека, каковым является Магнус Хаммерштейн. Даже то, что мы поинтересовались у его адвокатов, можем ли мы быть допущены к господину Хаммерштейну для аудиенции, вызвало шквал угроз. Нам ответили: если будет ордер на обыск, то мы вправе обыскивать все, что пожелаем. Но покуда ордера нет. А получить его только на основании ваших слов невозможно. Вы же не верите всерьез, что Магнус Хаммерштейн, человек, обладающий одним из самых крупных косметических концернов в мире, зачем-то похитил дочь Денизы Ровиго.

– Это могли сделать люди из команды его яхты, а Хаммерштейн ничего и не знает, – упрямо возразил я, но моя версия

о монстрах-моряках не впечатляла даже меня самого.

– Кроме того, в момент похищения на яхте находилась супруга господина Хаммерштейна, Грегуара, которая совершала на ней круиз по Средиземному морю. Нам было официально заявлено, что ни один из катеров и ни один член экипажа не покидал яхту прошлой ночью, когда она находилась в двадцати пяти километрах от Бертранской бухты, на французском побережье...

– Потребуйте немедленного разговора с Грегуарой, – сказал я, не веря в то, что это возможно. – Вероятно, она захочет помочь вам...

Инспектор покачал головой и печально ответил:

– Если в то, что похитителями руководил Магнус Хаммерштейн, верится с очень большим трудом, то в то, что за этим преступлением стоит его жена, мне не верится вообще. Думается, кто-то намеренно использовал катер с названием «Золотой жук», чтобы сбить с толку таких, как вы, случайных свидетелей. Побеседовать с Грегуарой Хаммерштейн не представляется возможным, так как она улетела сегодня утром вместе со своим сыном в Россию по делам концерна. А сам господин Хаммерштейн находится вне пределов досягаемости где-то на собственном острове за тысячи километров отсюда. Там же он был и вчера вечером...

– Но вы не должны бросать этот след, – внушал я инспектору. – Я уверен, что Хаммерштейны все же имеют если не прямое, то косвенное отношение к истории с похищением

малышки. И если бы я мог вам помочь...

Нуазье поднялся, и это означало конец его визита.

– Мистер Терц, мы делаем все, на что имеем право. Конечно же, мы учтем ваши показания. Но не советую вам влезать в расследование, его должны вести не дилетанты, а профессионалы. А вы, сэр, профессионал только на экране. Адвокаты семейства Хаммерштейн уже заявили, что если имя их клиентов будет упомянуто в связи с похищением Терезы Ровиго, то нам придется отвечать в судебном порядке и быть готовыми к выплате компенсации с семью нулями.

Я подал инспектору руку. Надо же, этот тип мне даже симпатичен. Он прав, какой из меня частный детектив... Хотя... Я же играл уже несколько раз персонажей, которые сами докапывались до подоплеки сенсационных событий. Но одно дело – сценарий, написанный голливудским прощельгой, а совсем иное – реальная жизнь.

– И держите меня, по мере возможности, в курсе, – сказал я. – Мне небезразлична судьба Терезы. Я надеюсь, вы сумеете найти ее...

Но я знал, что надежды почти нет. Похитители предъявляют требования в течение нескольких часов после похищения, а уже прошли почти сутки с момента исчезновения Терезы, и не поступило ни единого звонка, письма или послания по электронной почте. Кажется, кто-то украл Терезу, чтобы она никогда более не вернулась к матери...

Тем же вечером я навестил особняк Денизы Ровиго. Она

никого не принимала, а около ее ворот толпились кучи зевак и фоторепортеров. Несколько полицейских охраняли дом, но зачем они сейчас здесь? Денизе ничто не грозит, преступники никогда больше не вернуться сюда, они сделали все, что от них требовалось. Похитили ее дочку.

Еще днем стали просачиваться слухи о произошедшем, а в вечерних новостях о похищении крошки Терезы говорили со смаком и сладострастием. «Самое сенсационное похищение со времен пропажи ребенка Чарльза Линдберга», – заявляли на одном канале. «Похитители все еще не объявились, чего они ждут?» – вопрошали на другом, а на третьем цинично проводили телефонный опрос на тему: «Как вы думаете, жива ли маленькая Тереза Ровиго?»

Так и не узнав результатов этого чудовищного опроса, я выключил телевизор, в сердцах швырнул пульт на пол и направился к Денизе. Мне нужно ее успокоить, влить в нее надежду.

И, кроме того, узнать как можно больше подробностей. Я принял окончательное и бесповоротное решение: плевать, что думают по этому поводу полиция и прокуратура всех стран, вместе взятых, но я на собственный страх и риск начну расследование. Собственное расследование. В конце концов именно маленькая девчушка, дочь Денизы, спасла меня от глупого поступка, изменить последствия которого я был бы не в состоянии. И я приложу все усилия, чтобы отыскать малышку.

Меня приняли, едва я протянул свою карточку. Более того, выяснилось, Дениза ждала меня. Она резко изменилась: из легкомысленной блондинки превратилась в страдающую мать. Истерика была позади, теперь Дениза Ровиго была собрана, а в ее глазах тлел страх. Страх никогда больше не увидеть дочь в живых.

– Кирилл! – Она кинулась мне на шею, едва я оказался в апартаментах ее виллы, обставленной в стиле ампир. Неужели она нашла во мне отца? А я в ней – дочь?

– Вы видели ее, вы видели мою Терезу, расскажите, как она, – начала Ровиго. – Прошу вас, скажите, она выглядела здоровенькой? И почему они не звонят? Почему? Я готова заплатить любую сумму. Все, что у меня есть! Только пусть вернут Терезу!

Я отвел ее от двери, за которой слышались крики непрощенных гостей, едва сдерживаемых полицией. Еще вчера Дениза купалась в лучах славы, наслаждалась жизнью и собственным триумфом, получала из рук галантного Клода-Ноэля Гримбурга одну из самых высших наград в мировом кинематографе, а теперь...

Все изменилось в ту секунду, когда Дениза, вернувшись домой около пяти утра, в полной уверенности, что дочь давно спит под надзором бонны Женевьевы, обнаружила мычащую и связанную гувернантку в коридоре.

Мы прошли в гостиную. На алой софе были разбросаны фотоальбомы, навалены отдельные снимки. Изображена на

всех – похищенная Тереза. Дениза заломила руки и прошептала:

– Кирилл, я так долго не протяну. Почему они не объявились? Что им надо? Они же знают, что деньги у меня есть. Два, три, пять миллионов – я выложу все, чтобы снова обрести Терезу!

Я выудил одну из фотографий девочки. Изящный куколенок, и так похожа на мать. Я положил незаметно фото в карман пиджака. Оно мне, вероятно, понадобится, надо же знать, как выглядит Тереза, коли я решил искать ее.

– Дениза, – сказал я. – Без паники. Они позвонят, вот увидишь. Но ты не должна сейчас предаваться эмоциям. Поверь, Терезе сейчас труднее, чем тебе. Итак, я понимаю, что полицейские уже тебя допрашивали, и не раз, но ты должна вспомнить, не было ли чего-то в твоём прошлом, что могло бы предвещать подобный вариант развития событий. Может, кто-то звонил и клал трубку, не представившись? Получала ли ты письма с угрозами или вообще странные послания? Может, кто-то слишком назойливо интересовался Терезой?..

Дениза опустила на ковер и закрыла руками лицо, на котором не было ни грамма косметики.

– Я сама во всем виновата, – прошептала она. – Я толкала Терезу навстречу фотографам, сама брала ее с собой на презентации, сама подала похитителям мысль...

– Не вини себя. – Я положил ей на плечи руки. – Сейчас не это важное. Напряги свою память, Дениза. Подумай

и вспомни!

Она подумала, но не могла сказать ничего определенного.

– Я получаю сотни писем и выбрасываю их, даже не читая.

Звонки – но мой телефон известен только самым близким.

Ах, не знаю, Кирилл!

– Это может быть отец Терезы, – забросил я пробный шар. – Кто он, ты должна сказать мне! Это очень важно для твоей дочери! Правда ли то, о чем писали в газетах, что ты родила Терезу от Клода-Ноэля?

Дениза первый раз за весь разговор усмехнулась, но это была горькая и вымученная улыбка.

– О, это всего лишь пиар-ход моих менеджеров. Вчера на сцене во время вручения мне «Крылатого льва» Клод-Ноэль даже пошутил, что я получаю статуэтку не только за лучшую женскую роль, но и за то, что подарила ему дочь. Ему ведь тоже нужна реклама, после смерти Клементины СМИ о нем подзабыли.

Она перевела дух, очевидно, вспомнив о былой славе и шикарнейшей жизни. Затем Дениза словно очнулась, осознав, что сидит на ковре в гостиной виллы, откуда сутки назад пропала ее дочь.

– Я не знаю, кто отец Терезы, – сказала она медленно. – Я использовала услуги банка спермы в Голландии. Я не хотела заводить ребенка от своих любовников, в дальнейшем это могло бы привести к судебному конфликту из-за права финансового обеспечения, опеки, визитов и так далее. Знаю

только, что генетический отец Терезы – блондин, зеленые глаза, рост 192, атлетического телосложения, возраст – за тридцать, интеллект выше среднего, был раньше профессиональным спортсменом, а сейчас занят в совершенно другой области. Меня интересовал экстерьер, для Терезы это важно, она же станет актрисой, как и я...

Я почесал лысину. Ну что же, значит, вмешательство сумасшедшего папаши отпадает. Вряд ли неизвестный донор причастен к исчезновению Терезы.

– Тогда ты должна сконцентрироваться и сказать, кто из твоих врагов мог бы пойти на такое, – продолжал я. – Ну что, Дениза, ты можешь назвать имена?

– Элиза Паратье была бы очень рада, если бы я не получила роль в следующем фильме, но вряд ли ради этого она стала бы заказывать похищение Терезы. Мой бывший менеджер... Да нет, ему нужны проценты с моего дохода, а не выкуп за девочку. Роджер, мой экс-муж... Тоже отпадает, он прилюдно обещал убить меня, когда мы расстались, но он до беспамятства обожал Терезу...

– Именно те, кто без памяти обожает, затем и спускают курок, – сказал я нравоучительно, вспомнив фразу из одного старого фильма, в котором играл на заре своей карьеры. – Ладно, с этим все ясно. А что с бонной девочки? Может, она причастна к похищению? Например, служила источником информации. Ведь кто-то должен был за вами следить, кто-то должен был знать ваш распорядок дня!

– Женестьева к этому непричастна! – вскричала Дениза, поднимаясь с ковра. – Нет, нет, кто угодно, но только не Же-невьева! Она – ангел, другие няньки были просто ужасны, я их всех вышвыривала с ужасными рекомендациями...

Она запнулась. Я потер руки:

– Ага, вот и след! Помнится, году эдак в семьдесят девятом или восьмидесятом одного из голливудских режиссеров нашли мертвым в собственном бассейне. Я его знал: разумеется, режиссера, а не бассейн. Вместе пили и посещали... Впрочем, не важно кого. Так вот, его нашли без головы, которую кто-то снес при помощи ружья для охоты на слонов. Сначала грешили на жену, с которой он разводился и не хотел отдавать ей половину своих миллионов, потом – на многочисленных любовниц, на друзей из мафии и незаконнорожденного сына-наркомана. Выяснилось, что голову режиссеру снес бывший дворецкий. Он служил у него семнадцать лет, и хозяин его уволил, поймав на мелкой краже. Мечь прислуги – что может быть ужаснее! Кстати, дворецкого присяжные отправили в газовую камеру.

Я, похоже, слишком увлекся описанием кровавых событий прошлого. Поэтому быстро добавил:

– Бывшие няньки могли запросто продать кому-то информацию о Терезе и вашем распорядке дня и обо всех интимных деталях. И похитители это использовали. Полиция взяла у тебя имена этих нянек и их координаты?

Дениза отрицательно качнула головой. Я приказал:

– Немедленно найди их, отдай мне, я доведу это до сведения инспектора Нуазье.

Я не обманывал: доведу, причем тотчас, но сначала сделаю себе копию этого списка и брошусь на поиски этих самых бывших нянек.

– Ты уверена, что твоя нынешняя бонна к этому не причастна? – спросил я. – Ну, допустим, полиция тоже такого мнения. Но прислуга может быть причастна, даже сама об этом не подозревая. Например, похитителем может быть ее брат, или муж, или сосед, которому она, гордясь тем, что работает у тебя, рассказала кое-что о Терезе...

Дениза прошептала в слезах:

– Женестьева сирота, выросла в приюте, у нее нет никого, и уж тем более друга. Она уделяет все время Терезе.

– Ну, ну, такие любвеобильные ангелы и опасны, в тихом омуте, как известно... – процедил я, воображая себя инспектором, который ведет расследование. Потом мне стало до тошноты стыдно. Я играю на чувствах матери, у которой пропал единственный ребенок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.